

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
заочной формы обучения, группы 02031654
Жданкиной Натальи Васильевны

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор Алиференко Н.Ф.

Рецензент
Обозреватель отдела новостей
сетевого издания Fonar.tv
г. Белгорода
Шкреба О.А.

БЕЛГОРОД 2019

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Дискурс как лингво-психологическая реальность	5
1.1 Понятие «дискурс»	5
1.2 Коммуникативные и прагматические свойства дискурса	10
1.3 Структура дискурса	15
1.4 Типология дискурса.....	21
1.5 Взаимоотношение текста и дискурса.....	23
Глава 2. Анализ текстов разных функциональных стилей с точки зрения текста и с точки зрения дискурса	29
Глава 3. Понятие «текст» в культурологическом, лингвистическом, семиотическом планах.	42
3.1 Аспекты изучения текста	42
3.2 Разные точки зрения на «текст» как объект лингвистики	46
3.3 Лингвистические характеристики текста художественной литературы	51
Заключение.....	56
Использованная литература.....	58
Приложение.....	62

Введение

«Дискурс – одна из наиболее популярных и весьма дискуссионных междисциплинарных категорий в современной когнитивной лингвистике, в частности в той её части, зарождение которой связано с когнитивной поэтикой текста. Проблема дискурс-анализа художественного текста усложняется противоречивыми толкованиями самого понятия «дискурс». В данной работе дискурс используется в качестве компонента речевого сознания писателя. В силу такой специфики дискурса, он тесно связан с понятиями языка, речи и текста. В данной работе дискурс рассматривается как механизм, порождающий смысловое содержание художественного текста».

Понятие «дискурс» применяется в различных гуманитарных науках. Одноименный термин употребляется в самых разнообразных словосочетаниях: «Дискурс-анализ» [Архипова 2002: 114], «автобиографический дискурс» [Кованова 2005: 17], «диалогический дискурс» [Поспелова 2001: 21], «газетный дискурс» [Смирнова 2006: 23]. «Понятие “дискурс” насколько популярно, настолько и трудно определяемо. Его популярность уже выходит за пределы научного употребления» [Алефиренко 2009: 23]. Вопрос о соотношении понятий «текст» и «дискурс» требует дальнейшего исследования. Все вышеупомянутое определяет актуальность данной диссертации.

Объект исследования: текст романа М.А. Шолохова «Тихий Дон».

Предмет исследования: выявление дискурсивного основания текста исследуемого романа.

Материал исследования: текст романа-эпопеи М.А. Шолохова «Тихий Дон».

Цель работы: выявить дискурсивно обусловленную специфику смыслового содержания текста романа М.А. Шолохова «Тихий Дон».

В соответствии с целями в процессе работы над диссертацией были решены следующие **задачи:**

- собран, исследован и систематизирован теоретический материал по данной теме;
- рассмотрены всевозможные точки зрения на понятие «текст»;
- представлены лингвистические характеристики тексту;
- дано лингвопоэтическая интерпретация понятия «художественный дискурс» и определена его структура;
- описаны нарративные особенности и композиция исследуемого текста;
- текст и дискурс рассмотрены как механизмы коммуникации;
- выполнен анализ текста романа с точки зрения его стилевой и дискурсивной специфики.

Методологическую базу настоящей работы составили труды по дискрологии(Т.А. ван Дейк, Ш. Балли, В.Е. Гольдин, Л.К. Граудина, В.З. Демьянков, Т.В. Кочеткова, У. Лабов, М.Л. Макаров, Н.Б. Мечковская, О.Б. Сиротина, Л. Филипс, М.В. Йоргенсен, М. Фуко, Ф.И. Шарков, Е.Н. Ширяев, Д.Н. Шмелев и др.); по проблемам разграничения личностно-ориентированных/институциональных дискурсов (В.И. Карасик, В.Б. Кашкин, А.А. Кибрик, М.Л. Макаров, И.А. Ревзина, И.В. Силантьев, И.В. Тубалова и др.); по жанроведению (В.В. Дементьев, К.Ф. Седов, Т.В. Шмелева и др.)

«Предмет и цель исследования определили формирование методики выявления специфики шолоховского текста. Применялся метод сплошной и дифференцированной выборки для сбора материала. Основной метод – дискурс-анализ в его формате, разработанном его основоположниками».

В данное время интересы лингвистики заметно сместились. Вместо структурного описания языка на контекстуально-речевое, где реализуются авторские интенции. Дискурс понимается нами как коммуникативно-когнитивный механизм создания текста романа М.А. Шолохова «Тихий Дон».

«Актуальность диссертации обусловлена тем, что она отражает тенденции в прогрессивном гуманитарном мышлении современности к роли языка в формировании этнокультурного компонента в языковом сознании. Это ведет к расширению сферы лингвистического исследования лингвокультуры в целом. В каком русле ни велось бы изучение текста (риторики, семиотики, поэтики и т.д.) понятие дискурса служи их объединяющим началом. Понятие дискурса различными направлениями трактуется по-разному».

Глава 1. Дискурс как лингво-психологическая реальность

1.1 Понятие «дискурс»

Дискурс как сложное понятие лингвистики, философии, семиотики, – первоначально распространилось в франкоязычных и английских лингвокультурах. В переводе с французского дискурс – ‘рассуждение, речь’. Понятие «дискурс» предметом исследования стал относительно недавно.

«Дискурс используется очень широко в социальных и гуманитарных науках. Особенно используют понятие «дискурс» историки при изучении архивных документов. При исследовании разговоров, анкет, интервью понятие «дискурс» применяют специалисты по психологии и социологии».

«Французский философ и литературовед Ролан Барт в литературоведении впервые начал применять понятие «дискурс»: «В последующем мы станем именовать речевым произведением, дискурсом, высказыванием всякое значимое единство, независимо от того, является ли оно словесным или визуальным» [Барт 1994: 74].

Мишель Фуко, французский философ, именовал дискурс совокупой речевых актов, соединенных единой «проблематизацией». «Проблематизация – это совокупность дискурсивных и не дискурсивных практик, вводящих нечто в игру истинного или ложного конституирующих данную игру в качестве объекта мысли» [Фуко 1996: 24].

«Используя язык и дискурс, философ оценивает становление всей западной культуры. Философии, науке и литературе он уделяет большее внимание. Фуко утверждает, что для понятия «дискурс» истинно высказывание:

«Наконец, вместо того чтобы постепенно сужать и без того смутное значение слова «дискурс», я только умножил смыслы: то ли это общая область всех высказываний, то ли индивидуализируемая группа высказываний, то ли установленная практика, учитывающая некоторое число высказываний» [Фуко 1996: 24]

. «Речь короля на каком-либо торжественном мероприятии может быть примером дискурса. Это может быть приветствие или заключительная речь. Ронсар, французский поэт эпохи Возрождения, именовал личный сборник поэм «Дискурсы». Примером дискурса стала речь президента РФ во время заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». Прежде чем начать свою речь, Президент сразу сказал, что его речь будет жесткой и откровенной. *«Исследователи и наблюдатели подчеркивают, что, действительно, такой прямолинейной речи от первого лица государства не слышали давно»* [Ермолов 2015]. Так телевизионный канал, который передавал выступление Президента, а также время, место, публика, тема обозначили Президентом открытость и жесткость речи. *«Я вас тоже не разочарую, буду говорить прямо, откровенно. Некоторые вещи, может быть, покажутся избыточно жёсткими»*. [Ермолов 2015]

М. Макаров в своих «Основах теории дискурса» ведет разговор о ведущих координатах, которые определяют дискурс. Это активная ситуативная, формальная интерпретация. «Формальная интерпретация – это понимание дискурса как образование выше уровня предложения».

«П. Серио выделяет 8 значений термина «дискурс»: «1) единица, по размеру превосходящая фразу, 2) эквивалент понятия «речь», т.е. любое высказывание 3) беседа как тип высказывания 4) воздействие высказывания на собеседника с учетом ситуации высказывания 5) речь с позиции говорящего, которая противоположна повествованию, не учитывающему такую позицию, 6) использование единиц языка и их речевая актуализация, 7) идеологически или социально ограниченный образ выражений, например, феминистский дискурс, 8) теоретический конструкт, который предназначен для исследова-

ний условий производства текста» [Серио 1999: 2]». Имеются и более узкие толкования этого понятия. Так, М. Стаббс выделяет только три главные свойства дискурса: 1) формально дискурс – речевая единица, которая превосходит по размеру предложение, 2) содержательно дискурс связан с использованием языка в социальном контексте 3) по собственной организации «дискурс диалогичен, т.е. интерактивен» [Макаров 2003: 3].

«Таким образом, дискурс – это речь плюс язык, плюс событие. Но можно найти как сходство его с языком и речью, так и их различие. Дискурс является процессом и деятельностью». Это сближает его с речью вообще. Отличается же дискурс от речи тем, что дискурсу свойственны целостность, внутренняя организация с точки зрения речевого жанра и стилевой манеры художественного изложения событий.

«В данной работе принимается точка зрения Т. ван Дейка, развиваемая проф. Н.Ф. Алефиренко: «Дискурс – сложное коммуникативно-когнитивное явление, в состав которого входит не только сам текст, но и различные экстралингвистические факторы (знание мира, мнения, ценностные установки), играющие важную роль для понимания и восприятия информации». «Элементами дискурса служат излагаемые события, участники этих событий, перформативная информация и «не-события», т. е. обстоятельства, сопровождающие события, фон, оценка участников события и т. п.» [Алефиренко 2009: 16]. Из этой дефиниции вытекает главное для нас понимание дискурса анализируемого романа М.А. Шолохова: дискурс – коммуникативное событие. При этом мы различаем реальные события, описанные в романе и коммуникативное событие как его мыслительная модель в сознании писателя.

В романе М. Шолохова «Тихий Дон» дается масштабная художественная панорама картины мира, знакомящая читателя с жизнью донского казачества на фоне таких исторических событий, как 1-я Мировая война, революция 1917 года, Гражданская война.

«Писатель отлично знает повседневную жизнь, обычаи, колоритный язык казачества, так как родился и вырос рядом с ними. Автор передает своё

чувство нежной любви к людям, обычаям и природе тех мест, умело используя тот язык, на котором говорили его земляки. Речь героев «Тихого Дона», умело вплетена в текст романа и завораживает своей самобытностью».

«Наталья встала, завязала узлом гибкую хворостину, бросила ее к печи и ответила с несвойственной ей твердостью:

- Зараз я тебе никакого лиха не сделаю. Погожу, придет Григорий, погутаю с ним, потом будет видно, как мне с вами, обоими, быть. У меня двое детей, и за них, и за себя я постоять сумею!» [Шолохов кн.4 ч.7: гл.18].

«Своеобразным эпилогом в дискурсе произведения служит эпизод возвращения Григория Мелехова на родной хутор. М. Шолохов, хорошо зная природу родных ему мест, через пейзаж показывает читателю глубокие чувства, которые испытывает главный герой. Состояние природы соответствует внутреннему состоянию Мелехова во время возвращения его домой». *«Утром на следующий день он подошел к Дону против хутора Татарского. Долго смотрел на родной двор, бледнея от радостного волнения. Потом снял винтовку и подсумок, достал из него шитвянку, конопляные хлопья, пузырек с ружейным маслом, зачем-то пересчитал патроны. Их было двенадцать обойм и двадцать шесть штук россыпью... Григорий бросил в воду винтовку, наган, потом высыпал патроны и тщательно вытер руки о полу шинели»* [Шолохов кн.4: гл.18]

«Важное коммуникативное событие – возвращение Григория домой. Обстоятельством, сопровождающим это событие является то, что *«Григорий бросил в воду винтовку, наган, потом высыпал патроны»*, и читатель понимает: закончились его мытарства, Мелехов принял правильное для себя решение. Ему вторит природа: *«У крутояра лед отошел от берега. Прозрачно-зеленая вода плескалась и обламывала иглистый ледок окраинцев»*. [там же]

«Дискурс содержит свойство системности, это обстоятельство сближает его с языком. Язык является микросистемой абстрактной, дискурс романа является конкретной мини-системой. Дискурсом исследуемого произведения

является «текст плюс ситуация», что значит язык модифицированный говорящим и включенный в контекст».

«Осознание дискурса как применения или использования языка в речи во всевозможных ситуациях коммуникативного события – это активная интерпретация смыслового содержания текста романа. Понятие активного дискурса является понятием «целостной совокупности функционально организованных контекстуализованных единиц употребления языка». [Макаров 2003: 11] Это касается и речи персонажей романа. Особенно ярко активный дискурс обнаруживается в описании их переживаний.

«В одном из дискурсивных фрагментов романа «Тихий Дон», которое является, пожалуй, самым драматическим сюжетом – проклятие Григория из уст уставшей от измен Натальи, показано Шолоховым на фоне готовой разразиться грозы».

« — Господи! Всю душеньку мою он вымотал! Нету больше силы так жить! Господи, накажи его, проклятого! Срази его там насмерть! Чтобы больше не жил он, не мучил меня!..

Черная клубящаяся туча ползла с востока. Глухо грохотал гром. Пронизывая круглые облачные вершины, извиваясь, скользила по небу жгуче-белая молния. Ветер клонил на запад ропщущие травы, нес со шляха горькую пыль, почти до самой земли пригибал отягощенные семечками шляпки подсолнухов» [Шолохов, кн.4, ч.7 гл.16].

«Казалось, ничего не предвещало беды, но с настроением героини менялась и природа. Наталья просила Бога, о наказании обидчика. Чувства обманутой жены совпадают с движениями природы, и проклятие Натальи звучит выразительным катастрофическим взрывом во время разразившейся грозы».

Большое значение здесь имеет не-событийный фон дискурса. Он помогает читателю понять не только чувства бедной женщины, но и предугадать дальнейшие события: гром, который разразился в данный момент времени, предвещает беду.

«Ситуативная интерпретация дискурса – это учет психологически, культурно социально значимых условий общения, анализ диалога, лингвистический анализ текста, критический анализ дискурса, разговорный анализ, анализ диалога, лингвистический анализ текста, проблемы социолингвистики и этнографии коммуникации, когнитивной лингвистики и психолингвистики» [Макаров1998: 3].

«В романе «Тихий Дон» примером имеет возможность быть эпизод, где Шолохов обрисовывает ночевку красноармейцев в жилище Мелеховых. Читатель узнает, что красные одержали победу. «власть вновь сменилась» и красные опять считали себя хозяевами».

«Григорий Мелехов с семьей с содроганием ждали красноармейцев: братья Мелеховы были на стороне белых, а значит попадали в разряд «врагов народа». *«Спустя час Татарский налил скрипом шагов, чужою, окающей речью, собачьим брехом»*. Автор акцентирует наше внимание на неприятие казаками бойцов. Дуняшка смеется, когда наблюдает, как сидят эти мужики на лошади. Петр Мелехов презрительно машет рукой: *«Он и лошадь-то, может, в первый раз видит: «Малти поедим, гляди — и доедим»*. [Шолохов, кн.3, гл.16]. «В этой разнице культур, языка, в ощущении чужеродности заключается противостояние красноармейцев и казаков».

В.Е. Чернявская, которая обобщила разные толкования дискурса, выделяет два их типа: 1. 1. «конкретное коммуникативное событие, фиксируемое в письменных текстах и устной речи, осуществляемое в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве» и 2. «совокупность тематически соотнесенных текстов» [Чернявская 2003: 9].

1.2 Коммуникативные и прагматические свойства дискурса

«Коммуникативно-прагматические свойства дискурса связаны с особенностями речевого жанра. Беседа, коммуникативное мероприятие, определенный разговор, научный, новостной жанр – все это дискурс. Понятие «дискурс» невозможно без понятия «речь», а понятие «текст» нельзя отделить от понятия «язык». Вопросы: «О чем сказано?» «С какой целью сказано?» - определяют устный

дискурс персонажей романа М.А. Шолохова. «Это означает объединение формы и содержания разговора, которые говорят о текущей ситуации отношений того, кто слушает и того, кто говорит. Если смотреть в более широкой форме, то можно понять, что дискурсивной основой текста романа является «социальным взаимодействием в языковой форме, т.е. коммуникативным действием». «Ключевой чертой устного дискурса, является диалогический нюанс, который рассматривается в двух измерениях: индивидуально-личностном и социальном».

«Нельзя быть абсолютным хозяином смысла высказывания, история и бессознательное вносят свою непрозрачность в наивное представление о прозрачности смысла для говорящего субъекта» [Серио 1999: 53]. М. Бахтин также утверждает, что «слово нельзя отдать одному говорящему. У автора (говорящего) свои неотъемлемые права на слово, но свои права есть и у слушателя, свои права у тех, чьи голоса звучат в преднайденом автором слове (ведь ничьих слов нет)». [Бахтин 1976: 10]. Значит «слово, которое было произнесено персонажами шолоховского романа, несет множество нюансов смыслового содержания. М. Шолохов использует язык как социолект. Это означает, что «герои его романа говорят «языком, наполненным многими смыслами и устойчиво закрепленным социокультурными нормами, оценками и убеждениями» [Бахтин 1976: 10]. М. Бахтин утверждает, что «социолект – это «пункт проката» словосочетания и слова, несущий «отпечатки тех смысловых контекстов, где было «общенародное» слово прежде чем попало в наше распоряжение» [Бахтин 1976: 12].

«Социолект держит под контролем личный дискурс и регулирует им. Конструкции дискурса отображают социокультурную среду. Со всеми идеями и мыслями, которые ей принадлежат. Дискурс романа, прежде всего, пошолоховски диалогичен. Его своеобразие соответствует размышлениям о художественном диалоге М. Бахтина».

По Бахтину, «диалог – это не только взаимообмен словами и репликами. Он идет изнутри выражения и между выражениями. Диалогичность текста возможна при условии наличия переключки голосов как между высказы-

ваниями, так и внутри них. Это и носит название интертекстуальности или интердискурсивности и означает наличие речи и текста в контексте.

Интертекстуальность или интердискурсивность мы можем наблюдать в романе «Тихий Дон», где сочетается «лиричность текста романа и изображение значимых для страны исторических событий. Автор передает тончайшие движения души героев, посвящает читателя в их личные переживания и заветные мечты. Особенно это касается женских образов». Это можно увидеть в диалоге мудрой Ильиничны и Натальи.

«Наталья ела неохотно, и свекровь спросила:

- Давно замечаю за тобой, что-то ты не такая стала. Аль уж с Гришкой что у вас получилось?

У Натальи жалко задрожали обветренные губы:

- Он, маманя, опять с Аксиньей живет.

- Это... откуда же известно?

- Я вчера у Аксиньи была.

- И она, подлюка, призналась?

- Да.

Ильинична помолчала, раздумывая.

На морщинистом лице ее в углах губ легли строгие складки.

- Может, она похваляется, проклятая?

- Нет, маманя, это верно, чего уж там...

- Недоглядела ты за ним... - осторожно сказала старуха. - С такого муженька глаз не надо сводить». [Шолохов, кн.4, ч.7 гл.16].

«Диалогичность дискурса романа определяется авторским пониманием языка как явления социального, требующего наличие собеседника для того, кто произносит ту или иную фразу. Высказывание, вложенное М. Шолоховым в уста персонажей, не имеет смысла в отрыве от дискурс-контекста».

Персонажи романа, рассуждая на всевозможные житейские темы, высказывают не мысли вообще. Они принадлежат к донской казачьей культуре. Носители данной культуры могут не разделять воззрений, которые содержат-

ся в дискурсе других российских этносов. Но существует такое понятие, как господствующий дискурс русской лингвокультуры, и большинство частных этнодискурсов (в том числе и донского) в романе подчинено ему.

Взгляды персонажей на всё, что происходит на Дону или в личной жизни героев романа, создают региональную картину мира, которая складывается в зависимости от полученного жизненного опыта. Поэтому в рамках нарративного дискурса романа «Тихий Дон» обыденное событие оказывается еще более актуальным, поскольку его «нарративное понимание» несет на себе всё многообразие жизненного контекста, является лучшим средством для передачи личного опыта и связанных с ним противоречий» [Алефиренко 2014: 28].

«Дискурс – это метод общения людей и анализ диалога проводить независимо от дискурса нельзя, т.к. их друг от друга отделить невозможно. В дискурсе, хорошо слышны мнения героев. Говорящий дискурсивное пространство. Читатель или слушатель при этом оказывается поставленным перед задачей интерпретации, руководствуясь той стратегией, с помощью которой автор ведет его через текст, как бы открывая то, что явно выражено» [Плеханова 2004: 15]

«Дискурс - это общее пространство для всех людей, участвующих в разговоре. При этом формируется единая ткань текста, обозначенная данной ситуацией. Текст нужен для сообщения информации. Смысл будет понят только при условии наличия какого-либо опыта говорящего».

А.А.Леонтьев, советский лингвист, психолог отмечал: «Функции высказывания и целого текста связаны не просто с речевой деятельностью того или иного конкретного говорящего в той или иной конкретной ситуации, а с внутренней организацией процесса общения, понимаемого как одна из сторон социального взаимодействия людей» [Леонтьев 2001: 221] По Волошинову «дискурс - это выражение индивидуальной психической реальности индивидуума и трансиндивидуальным полем, которое включает эту индивидуальную психическую реальность» [Волошинов 2000: 420]

Стремительно развивающийся сюжет произведения является одним из главных свойств дискурса. Дискурсивная тема является отображением социальной жизни. Тема дискурса вбирает в себя все ситуации, описанные в тексте. Анализ дискурса демонстрирует изменение темы, кем контролируется она, манеру и конфигурацию речи. Все, что рассказывается в предоставленном дискурсе, относится к дискурсивной теме. Но не все элементы темы остаются функциональны во всякий момент дискурса. Именно этим разъясняется единство дискурса.

«Индивид, в ходе порождения дискурса, в мыслях разбивает суперфокус на части в соответствии с размером сознания. При контакте человека и окружающей среды посредством речи передаются чувства и мысли говорящего. Все это воспринимается слушающим. Восприятие информации невозможно без объяснения усвоенного ранее лексического значения слов, идей и смыслов. В процессе речи проясняется сюжет дискурса, а рассказчик создает дискурс или виртуальный мир, где описывается положение дел». [Макаров 2003: 34]

Все основано на том, что части текста упорядочены. Происходит развитие темы внутри дискурса; на способах подачи различной информации; на применении различных способов высказывания своего мнения; на определенном построении фраз; на особенностях подбора слов, которые используются в речи; на использовании особенностей языка; на построении сложных предложений.

Так при помощи дискурса индивидуумы, которые участвуют в коммуникации получают возможность самовыражения. На уровне глобальной структуры дискурса тема влияет на то, что именно понимается в качестве главной информации. В восприятии информации большое значение имеет заглавие текста, и мнение окружающих. На микроуровне дискурса свою роль играет личное восприятие окружающего мира.

Продуктом дискурса – толкование того, что написано или услышано. Взаимодействие посредством диалога находится в центре дискурса. Направ-

ления лингвистики, изучающие дискурс, выделяют определенные понятия, при помощи анализа дискурса становится явно то, что невозможно принять в качестве проблемы, т.к. оно не выражено.

«Дискурсивные события являются маркерами эпохи и цивилизации. В анализе текста и эпохальные, и обыденные события -это предмет изложения связанных между собой событий, которые представляются участниками диалога в виде определенной последовательности слов или образов. В рамках повествования простое событие более актуально, так как его «нарративное понимание» передает жизненные события и является тем средством, с помощью которого передается опыт человека и связанные с ним противоречия». [Алиференко 2014: 109]. Динамика дискурса проявляется для слушающего в сравнении высказываний того, кто говорит с ранее сказанным и слышанным (ситуативным контекстом), а также семантическим пространством, которое создают участники диалога. Оно отражается в пресуппозиториях, имплицитурах, то есть в том, что подразумевается в и имплицитурах, то есть в домысливании за другого, который представляет собой псевдологический вывод речи. Участники диалога используют предложения, которые являются основой для воспроизведения информации. Такие предложения обеспечивают динамику текста. В коммуникативном процессе слушающий воспринимает информацию, сравнивает ее с той, которая была получена ранее, делает выводы.

Говорящий, в отличие от слушающего, выделяет и свое суждение, и предположения слушающего.

1.3 Структура дискурса

Между общением, словом и речью существует промежуточное явление – дискурс. Этот термин в науке понимается широко: это все, что человек пишет рассказывает. Это речевое поведение людей, которое становится «в то же время и языковым материалом» [Щерба 1974: 371]. Н.Ф.Алиференко, обращает внимание на дискурс, как на синергетическое образование. Ср.: «Под синергетикой дискурса понимается воздействие порождающих его объектов друг на друга».

Дискурс состоит из двух компонентов, а именно лингвистического и экстралингвистического. Они так же, как предложение и словоформа образуют лингвистическую составляющую.

Дискурс характеризуется:

- наличием смысла, которое может быть и не выражено словесно, но без которого невозможно воспринять текст;

- своевременным членением

- ситуативным контекстом;

- отношением говорящего к высказываемому;

- взаимодействием коммуниканта и адресанта;

Текст связан с дискурсом, поэтому структурно они похожи. Различия составляют нюансы, которые связаны с устной речью. Дискурс задается манерой общения, тональностью, совокупностью условий жизнедеятельности человека. Динамика дискурса характеризуется процессом устной речи, паузами, интонацией, акцентами. Вводные слова, обращения, обозначают структуру дискурса и считаются маркерами устной речи, как процесса. Дискурс имеет различные структуры. Микроструктура – локальная конструкция и макроструктура – глобальная конструкция. Макроструктура делит дискурс на крупные отрезки. Это абзацы, эпизоды в рассказе или высказывания в диалоге. Меж большими элементами дискурса есть границы-большие паузы в устном дискурсе. В письменном же дискурсе границы помечаются графическим выделением или способами лексическими, например, а, так как, в конце концов и т.д. Обязательным условием дискурса является единство событийное, временное и т.д.

Термин «макроструктура» и его определение даны нидерландским изыскателем дискурса, известным организатором лингвистики текста и дискурсивного анализа Т. Ван Дейка. Согласно его теории, «макроструктура – это описание основного содержания дискурса, которое адресат создает в процессе понимания».

Понятие «макроструктура», введённое в научный обиход Т. ван Дейком, представляет собой эксплицитное смысловое содержание текста (поверхностное, представляемое прямо номинативными средствами языка). Под макроструктурой дискурса, служащей видимой частью смыслового айсберга мы понимаем его системную организацию в единстве с функциональными связями всех слоёв коммуникативного события. Его невидимой частью являются имплицитные (подтекстовые) смыслы.

В интерпретации Т. ван Дейка, «макроструктура – это обобщенное описание основного содержания дискурса, которое адресат строит в процессе понимания». Так в романе «Тихий Дон» М.Шолохов описывает луговой покос. В этом эпизоде явно прослеживается имплицитный (подтекстовый) смысл. Через описание поведения станичников читатель видит, насколько важную роль играет земля в жизни казаков. По отношению героев к природе читатель может понять их характеры. Например, Григорий, потревожив семейство диких уток, почувствовал «внезапную острую жалость» к нечаянно убитому утенку.

«Дойду вон до этого кустика, косу отобью», — подумал Григорий и почувствовал, как коса прошла по чему-то вязкому. Нагнулся посмотреть: из-под ног с писком заковылял в траву маленький дикий утенок. Около ямки, где было гнездо, валялся другой, перерезанный косой надвое, остальные с чулюканьем рассыпались по траве. Григорий положил на ладонь перерезанного утенка. Изжелта-коричневый, на днях только вылупившийся из яйца, он еще таил в пушке живое тепло. На плоском раскрытом клювике розовенький пузырек кровяцы, бисеринка глаза хитро прижмурена, мелкая дрожь горячих еще лапок».

Григорий с внезапным чувством острой жалости глядел на мертвый комочек, лежавший у него на ладони.

— Чего нашел, Гришунька?..

По скошенным рядам, подпрыгивая, бежала Дуняшка. На груди ее метались мелко заплетенные косички. Морщась, Григорий уронил утенка, злобно махнул косой». [Шолохов т.1: гл. 9]

Читая данный отрывок, мы понимаем, как трепетно и с какой нежностью относится герой ко всему живому. Он обладает добрым сердцем, которое умеет любить, тем противоречивее нам кажется образ Григория во время убийства молодого австрийца.

Таким образом, макроструктура выстраивается последовательной вербализацией макропропозиций. Выводятся последние из пропозиций данного дискурса. «Моделируются они по следующим правилам: а) правило сокращения (усечение несущественной информации); б) правило обобщения двух или более однотипных пропозиций и объединение нескольких пропозиций в одно целое. Это позволяет адекватно воспринимать смысловое содержание всего текста как художественного целого».

Данные правила составляют одну из стратегий понимания художественного дискурса. Понятие стратегии та теоретическая платформа, на которую опирается вся теория дискурса Т. Ван Дейка. Такая стратегия даёт возможность уйти от «жестких правил и алгоритмов». Поскольку стратегия – достаточно эффективный способ достижения цели, можно воспользоваться одновременно несколькими стратегиями.

«Наряду с «макроструктурой», Т. Ван Дейк использует понятие суперструктуры [Ван Дейк 1989: 165], под которой понимается стандартная модель, по которым создаются отдельные конкретные дискурсы. Специфика суперструктуры состоит в том, что она связана не со смысловой информацией, а с жанром того или иного дискурса». В «Тихом Доне» автор показывает казачий семейный уклад. читатель не сможет понять семейные традиции казаков, не обратившись к этим эпизодам. В самом начале романа мы знакомимся с семьей Мелеховых, видим двор, дом, где каждому члену семьи отве-

дена своя роль. Отца, Пантелея Прокофьевича, не смеет ослушаться никто в семье. Он хранитель устоев казацкой жизни.

Читая эпизод наказания отцом Григория, мы понимаем, что понятия семейной чести («Не страми отца»), как и уважения к землякам («Не пакости соседу») очень важны для казаков.

Нарративный дискурс занимает особое место в дискурсивной практике М. Шолохова. К нему писатель обращается при описании событий во «временной последовательности».

Обычно нарративный дискурс выстраивается по традиционной схеме: вначале «даётся краткое содержание, затем идёт ориентация в излагаемых микрособытиях, их осложнение, оценка и разрешение проблемной ситуации. Это так называемая нарративная схема».

Кроме макроструктуры, в художественном дискурсе выделяют ещё и микроструктуры путём членения на мельчайшие компоненты дискурса. Такими минимальными единицами в современных подходах являются элементарные предложения. Их называют термином «смысловые клаузы».

Примером может стать фрагмент текста романа «Тихий Дон»:

«Григорий пошел, уминая траву. От арбы потек за ним колыхающийся след. Пантелей Прокофьевич перекрестился на беленький стручок далекой колокольни, взял косу. Горбатый нос его блистал, как свежелакированный, во впадинах черных щёк его томила испарина. Он улыбнулся, разом обнажив в вороной бороде несчетное число белых частых зубов, и занес косу, поворачивая морщинистую шею вправо. Сажненное полукружье смахнутой травы легло под его ногами.

Григорий шел за ним следом, полузакрыв глаза, стелил косою разнотравье. Впереди рассыпанной радугой цвели бабьи завески». [Шолохов т.1: гл. 9]

Приходим к выводу, что художественный дискурс анализируемого романа представляет собой смысловых клауз последовательность. «Вся смысловая информация в тексте романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» распределяется по такого рода клаузам».

В книге «Память» южноамериканского психолога Б.Бартлетта содержатся не менее значимые выводы о макроструктуре дискурса. Ученый отметил, что человек использует стандартные представления о реальности при вербализации собственного навыка. Бартлетт такие стандарты именовал схемами. «Например, схема продуктового магазина предполагает воспроизведение в памяти товара, лежащего на витринах, кассы, стеллажи и т.д. Схема автовокзала рисует в памяти автобусы, стоянку, здание вокзала. Такие представления оказывают влияние на форму создаваемого дискурса. В семидесятые годы XX века появились другие определения. Ученые из Америки дали термины «скрипт», «фрейм». Статических структур (модель продуктового магазина) в большей мере касается «фрейм». «Скрипт» (поездка на автобусе) – динамические структуры. Термины «сценарий» и «скрипт» сильно похожи по лексическому значению. Хотя они не отличаются, но в русском языке используется термин «сценарий».

Если рассматривать вопросы структуры дискурса под другим углом зрения, то возникает вопрос о его связности. Допустим, если дискурс А состоит из частей а, б, с, то должно проследиваться единство дискурса, так как эти части обязательно взаимосвязаны.

Примером может стать текст романа М.Шолохова «Тихий Дон». Через весь роман проходит тема Времени, символом которой стал Дон-батюшка. Недаром писатель озаглавил роман, упомянув великую русскую реку. Словно в древних временах берет начало это река и утекает неизвестно куда. Ее течение и течение времени одинаково. На протяжении романа происходят страшные события на Руси, течет время и уносит с собой человеческие судьбы, порой не оставляя даже памяти о них. В начале романа – мирная жизнь, молодой Григорий Мелехов и его семья. Война прерывает привычный уклад жизни, которая никогда не будет прежней. На фоне страшных событий мы следим за метаморфозами, происходящими с каждым героем романа. И вот в конце повествования уже седой, прошедший тяжелые испытания жизнью,

Григорий с радостью протягивает руки навстречу своему сыну, тому единственному существу, которое заставляет его жить.

Таким образом, можно утверждать, что единством темы дискурса гарантируется глобальная его связность. Содержание дискурса отличается от содержания предикации понимается как понятийный тип какого-либо положения дел или как некая разнородная информация. Тема – это то, о чем говорится в представленном дискурсе. Отношения между небольшими единицами дискурса представляют локальную связность дискурса. Американский лингвист Т. Гивон говорит о четырех типах локальной связности, которые свойственны особенно нарративному дискурсу: временную, референциальную, т.е. тождество участников, событийную и пространственную. Связность событийная обычно является предметом изучения.

1.4 Типология дискурса

Особый интерес, при изучении такого понятия как дискурс, представляет его классификация. Выделяют два основных типа дискурса: устный и письменный, которые противопоставлены друг другу. Связано такое разграничение со способом передачи информации. «Устный дискурс передается при помощи акустического канала, письменный, в свою очередь, использует визуальный канал. Известно, что в древние времена информация передавалась при помощи устной речи (из уст в уста), значит, первоначальный дискурс – устный. Письменный дискурс – производный от устного. В наше время на планете существует множество языков не обладающих письменной речью. До начала двадцатого века лингвисты изучали устную речь в виде письменной. Только в семидесятые годы двадцатого века началось изучение устных и письменных форм в качестве альтернативных».

«В устном и письменном дискурсе передача информации и ее восприятие происходит по-разному. В отличие от письменного, в устном дискурсе его порождение и понимания идет одновременно. Скорость написания значительно ниже скорости говорения. Процесс чтения происходит быстрее, нежели процесс устной речи. В устном дискурсе существуют речевые единицы,

которые совпадают с простыми предикациями и отделяются друг от друга паузами, также неоспорим факт наличия интонации. В процессе письменного дискурса происходит объединение простых предикаций в сложные предложения и другие синтаксические конструкции. Еще одно принципиальное отличие форм дискурса состоит в том, что при письменном дискурсе нет контакта между участниками разговора. В ситуацию устного дискурса вовлечены говорящий и адресат. Употребляются местоимения, используются жесты и мимика, проявляются эмоции».

Письменная форма дискурса возникла с целью передачи информации через пространство и время. Это стало возможно благодаря изобретению технических средств.

Кроме устного и письменного дискурса существует мысленный дискурс. Участник дискурса, не применяя ни устную, ни письменную речь, пользуется языком. Один и тот же индивидуум становится как говорящим, так и адресатом.

В романе «Тихий Дон» мысленный дискурс представлен как внутренний монолог Григория Мелехова, который думает о смерти, о том, что ему незачем жить. Он все испытал перепробовал и жизнь не дает ему ничего нового, а значит интерес к жизни исчез.

«Жил я и все испытал за отжитое время, баб и девок перелюбил, на хороших конях..эх...потоптал степя, отцовством радовался и людей убивал, сам на смерть ходил, на синее небо красовался. Что же нового покажет мне жизнь? Нету нового! Можно и помереть. Не страшно».[Шолохов кн.4: гл.15]

Такое понятие, как жанр позволяет понять, в чем состоит отличие разновидностей дискурса. Изначально в литературоведении выделялись такие жанры произведений, как эссе, новелла, роман, повесть. М.Бахтин предложил использовать понятие жанр не только для литературных произведений, но и для других речевых произведений. Существуют такие жанры, как рассказ, доклад, диалог, интервью, инструкция, политическое выступление и т.д. У

каждого жанра существует своя характеристика. Например, рассказ должен иметь определенную структуру (экспозиция, завязка, развитие действия, кульминация, развязка). «Рассказ отличается языковыми особенностями: есть сюжет, который дан при помощи одинаковых грамматических форм. Но языковая специфика жанров в наше время изучена недостаточно».

Например, рассказ М. Шолохова «Родинка». Экспозицией является описание стола, на котором *«разбросаны гильзы патронные, пахнувшие сгоревшим порохом, полевая карта, уздечка с душком лошадиного пота, краюха хлеба»*

[Шолохов: Родинка]. Здесь же мы знакомимся с атаманом – восемнадцатилетним Николкой Кошевым. Завязка - описание жизни молодого атамана, где читатель узнает о том, что война с немцами оставила его сиротой. Далее следует развитие действия, где Шолохов повествует нам о таланте молодого военного атамана. Но здесь же читатель узнает, что он очень хочет учиться, но идет война и Кошевой вынужден воевать, защищая молодую Советскую страну от белогвардейцев. *«Учиться бы поехать куда-нибудь, а тут банда... Опять кровь, опостылело так жить» [Шолохов: Родинка]*. Наивысшая точка рассказа (кульминация) - эпизод убийства Николки отцом, который воевал на стороне белогвардейцев и узнал умирающего сына по родинке на ноге. Развязка состоит в том, что не смог отец жить с мыслью, что своими руками убил родного сына. *«К груди прижимая, поцеловал атаман стынувшие руки сына и, стиснув зубами запотевшую сталь маузера, выстрелил себе в рот».* *[Шолохов: Родинка]* Идеей рассказа является мысль о том, что не может быть на Гражданской войне победителей.

1.5 Взаимоотношение текста и дискурса

В семидесятых годах двадцатого века лингвисты попытались разграничить понятия дискурс и текст. Они предлагали понимать дискурс как «текст плюс ситуация», а текст как «дискурс минус ситуация». Некоторые придерживаются мнения, что дискурс - это способ общения двух и более человек, в то время как текст – это продукт одного человека, автора. Таким образом

формируется такое противопоставление, как монолог- диалог. Известно, что текст и дискурс дополняют друг друга, но в последнее время некоторые лингвисты утверждают, что эти понятия противопоставлены по таким критериям, как функциональность (структурность, процесс), продукт, динамичность (статичность и актуальность) виртуальность. Значит, можно говорить о различии структурного текста как продукта и функционального дискурса как процесса.

Термином «дискурс» (*discjurs* фр.) на данном этапе обозначают текст в речи. Лингвистический словарь дает следующее толкование: «Дискурс – связный текст в совокупности с экстралингвистическими - прагматическими, социокультурными, психологическими факторами, текст, взятый в событийном аспекте; речь как целенаправленное социальное действие» Дискурс – это речь, «погруженная в жизнь», поэтому термин «дискурс» невозможно применить к текстам, в которых не прослеживается связь с жизнью». [Арутюнова 1990: 136-137]

Примером вышесказанному может стать эпизод романа М. Шолохова «Тихий Дон». Ищущий правду в происходящих событиях Мелехов не желает принимать Советскую власть. Его речь характеризуется использованием политического дискурса:

«<...>А власть твоя, - уж как хочешь, - а поганая власть. Ты мне скажи прямо, и мы разговор кончим: чего она дает нам, казакам?<...>

-Свободу права...Да ты погоди!...Постой, ты чего?

<...>Земли дает? Воли? Сравняет? ...Земли у нас – хоть заглонишь ею. Воли больше не надо, а то на улицах будут друг дружку резать. Атаманов сами выбирали, а теперь сажают. Казакам эта власть, окромя разору, ничего не дает! Мужичья власть, им она и нужна. Что коммунисты, что генералы – одно ярмо». [Шолохов кн3: гл.20]

Лексика, изобилующая политическими терминами (власть, коммунисты, генералы, атаманы), сочетается с лексикой художественной, употребляемой казаками того времени (ярмо, разору, поганая, окромя, заглонишь). Пе-

ред нами «речь, погруженная в жизнь», или «текст плюс ситуация». Мы наблюдаем измененный говорящим язык, который включен в контекст романа. А значит, это дискурс, который дополняет текст романа.

Ю.Степанов утверждает, что «Дискурс – это «язык в языке». «Дискурс имеет право на реальное существование, но не как определенная «грамматика» или «лексикон», а просто в виде реального языка, речи. Дискурс проявляется в тех текстах, где есть только данному тексту присущая грамматика, лексикон, необычный синтаксис и семантика». Другими словами, это особый, иной мир. В любом дискурсе действуют свои правила подбора синонимов, как и «свои правила истинности и свой этикет». «Само явление дискурса, его возможность и есть доказательство тезиса «Язык – дом духа», «Язык – дом бытия». [Степанов 1998: 44-45]

Соотношение понятий «текст» и «дискурс постараемся осмыслить, опираясь на мнения лингвистов. К.Я.Сигал приходит к мнению, что «текст является особой формой взаимодействия знаний, организованной категориями цельности, связности, модальности и их субкатегориями» [Сигал 2000: 223-224]. Ученый считает «дискурс лингвоспецифическим явлением, обладающим развернутым в текст набором языковых единиц, демонстрирующим правила их образования и использования» [Сигал 2000: 223-224].

Н.В.Малычева, рассматривая текст и дискурс как единое целое, выделяет их различные стороны. Она утверждает, что данные понятия обозначают разные явления. «Если дискурс требует отбора языковых средств, которые должны соответствовать и стилю, и жанру, то текст является результатом такого отбора и выбора нужной модели». По мнению автора, «дискурс является более широким понятием, по сравнению с текстом, так как способен охватить и процесс, и результат языковой деятельности». Еще одно отличие текста от дискурса состоит в том, что текст, воспроизводиться может неоднократно, а дискурс явление, которое в произведении можно употребить только один раз.

«Текст – это поликоммуникативная и политематичная единица, которая включает в себя сложные синтаксические целые и самостоятельные предложения, обладает структурной завершенностью и формирует концептуально значимый смысл, содержащий коммуникативно и когнитивно заданный фрагмент действительности». [Малычева 2003: 10]

Существует множество трактовок понятия «дискурс», но дифференцировать понятия «текст» и «дискурс», опираясь на данные трактовки, невозможно. Ясно, что как текст не может являться разновидностью дискурса, так и дискурс не разновидность текста. Эти понятия состоят в родовидовых отношениях. «Дискурс не является промежуточным явлением между речью, общением и языковым поведением или промежуточным звеном между системой и текстом, это не есть текст в совокупности с экстралингвистическими параметрами, равно как и текст не является дискурсом за вычетом этих параметров» [Прохоров 2006: 10] Таким образом, приходим к выводу, что текст и дискурс равноправны.

Соотношение текста и дискурса можно увидеть в описании сцены гибели Аксины.

Для Григория Мелехова гибель любимой женщины явилась последним и самым большим ударом. *«Хоронил он свою Аксиныю при ярком утреннем свете. Уже в могиле крестом сложил он ее мертвенно побелевшие смуглые руки, головным платком укрыл лицо, чтобы земля не засыпала ее полуоткрытые, неподвижно устремленные в небо и уже начавшие тускнеть глаза. Он попрощался с нею, твердо веря в то, что расстанутся они ненадолго. Теперь ему незачем было торопиться. Все было кончено».* [Шолохов кн.4: гл,17]. Шолохов, употребляя оксюморон *«мертвенно побелевшие смуглые руки»*, дает понять читателю, неестественность того, что произошло. Но фраза *«уже начавшие тускнеть глаза»* служит подтверждением, что действительно *«все кончено»*. И *«кончено»* прежде всего для Григория, поэтому он уверен, что *«расстанутся они ненадолго»*. Недаром в тексте несколько раз повторяется междометие *«уже»*. Так автор подчеркивает, что жизнь Мелехо-

ва прошла, теперь для него все в прошедшем времени. Описание природы, как всегда отражает душевное состояние героя. *«Он поднял голову и увидел над собой черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца»*. [Шолохов, кн.4: гл,17]

Таким образом мы убедились, что текст и дискурс равноправны. Эти понятия дополняют друг друга.

В.И.Карасик, проведя анализ многочисленных определений термина «дискурс», пришел к выводу, что «Изучению дискурса посвящено множество исследований, авторы которых трактуют это явление в столь различных научных системах, что само понятие «дискурс» стало шире понятия «язык» [Карасик 2002: 271] Далее автор заключает:

«Анализ дискурса – междисциплинарная область знания, находящаяся на стыке лингвистики, социологии, психологии, этнографии, стилистики и философии. Анализ дискурса осуществляется с различных позиций, но всех исследователей объединяют следующие предпосылки:

-статическая модель текста является слишком простой и не соответствует его природе;

-динамическая модель языка должна основываться на коммуникации;

-общение происходит в коммуникативных ситуациях, которые должны рассматриваться в культурном контексте;

-центральная роль в коммуникативной ситуации принадлежит людям, а не средствам общения;

-текст как продукт коммуникации имеет несколько измерений. Главными из которых являются порождение и интерпретация текста;

-дискурс представляет собой явление промежуточного порядка между речью, общением, языковым поведением, с одной стороны, и фиксируемым текстом, остающимся в сухом остатке общения, с другой стороны.

Для подтверждения мнения лингвиста обратимся к роману М. Шолохова «Тихий Дон». Писатель широко использует диалогическую речь, которая идет между героями романа. Во время похода на рыбалку между Григорием

и его отцом, заметившим, что сын начал общаться с замужней женщиной, происходит разговор. Пантелей Прокофьевич призывает Григория прекратить общение с Аксиньей.

«Ты, Григорий, вот что... — нерешительно начал он, теребя завязки лежавшего под ногами мешка, — примечаю, ты, никак, с Аксиньей Астаховой...»

Григорий густо покраснел, отвернулся. Воротник рубахи, врезаясь в мускулистую прижженную солнцегревом шею, выдавил белую полоску.

— Ты гляди, парень, — уже жестко и зло продолжал старик, — я с тобой не так загуарю сосед, и с его бабой не дозволю баловать. Тут дело может до греха взыграть, а я наперед упреждаю: примечу — запорю!

Пантелей Прокофьевич ссучил пальцы в узловатый кулак, — жмуря выпуклые глаза, глядел, как с лица сына сливала кровь.

— Наговоры, — глухо, как из воды, буркнул Григорий и прямо в синеватую переносицу поглядел отцу.

— Ты помалкивай.

— Мало что люди гуарют...

— Цыц, сукин сын!

Григорий слег над веслом. Баркас заходил скачками. Завитушками заплясала люлюкающая за кормой вода.

До пристани молчали оба. Уже подъезжая к берегу, отец напомнил:

— Гляди не забудь, а нет — с нонешнего дня прикрыть все игрища.

Чтоб с базу ни шагу. Так-то!» [Шолохов, кн.1: ч.1]

В данном эпизоде мы можем наблюдать текст, который является продуктом коммуникации, а также понимаем, что именно дискурс служит порождением данного текста. Диалектные слова (загуарю, может, упреждаю) придают тексту колоритных красок, образности. Ярko передает Шолохов эмоциональное состояние отца, который не доволен поведением сына: «Цыц, сукин сын!»),

И Григория, который «густо покраснел, отвернулся. Воротник рубахи, врезаясь в мускулистую прижатую солнцегревом шею, выдавил белую полоску».

Дискурс имеет множество омонимичных значений: диалог, связный текст, речевое произведение в устной или письменной форме, разговорная устная форма текста. При помощи дискурса рождается контекст, в котором содержится описание героев произведения, поступки, ситуации и т.д. Разные речевые ситуации в одном и том же тексте порождают разные дискурсы. Текст, в устах говорящего становится сообщением, которое принадлежит только ему и проникнуто индивидуальным смыслом. По мнению Масловой, «приобщение человека к культуре происходит путем присвоения им чужих текстов» [Маслова 2000: 35], так как «тексты являются истинными хранителями культуры»

Глава 2. Анализ текстов разных функциональных стилей с точки зрения текста и с точки зрения дискурса

Чтобы на примере показать, как различаются текст и дискурс, мы выполним анализ отрывков из текстов, принадлежащих разным функциональным стилям.

Для анализа художественного текста мы обратились к отрывку из повести К. Паустовского «Мещерская сторона»:

«Особенно хорошо в беседке в тихие осенние ночи, когда в саду шумит вполголоса неторопливый отвесный дождь.

Прохладный воздух едва качает язычок свечи. Угловатые тени от виноградных листьев лежат на потолке беседки. Ночная бабочка, похожая на комок серого шелка-сырца, садится на раскрытую книгу и оставляет на странице тончайшую блестящую пыль. Пахнет дождем – нежным и вместе с тем острым запахом влаги, сырых садовых дорожек».

Если рассматривать микротекст с точки зрения дискурса, то темой его будет «Ночь в беседке». Идея: беседки описание. Рассказывает автор о чувствах, которые он испытывает, будучи «в беседке в тихие осенние ночи».

Преобладающий тип речи – описание. Ключевые слова: *беседка, угловатые тени, осенние ночи, прохладный воздух, дождь, ночная бабочка*. Смысловые ряды составляют доминанту дискурса: автор так видит беседку ночью.

Другая картина получается, если мы будем проводить анализ текста. Тема текста - «Хорошо в беседке». Чтобы убедиться, что предложения связаны одной темой, от предложения к предложению поставим вопрос. Сделать это вполне возможно, значит перед нами текст. Текст делится на микротемы. От одной микротемы к другой также возможно поставить вопрос. Микротема исчерпана, при условии, что вопроса больше поставить невозможно. Затем начинается новая микротема. Тематическое, или смысловое, единство микротекста говорит о том, что все предложения, которые входят состав микротекста, связаны содержанием, то есть в тексте прослеживается развитие одной какой-либо мысли. Текст в отличие от дискурса можно анализировать с точки зрения фонетического, морфемного, лексического, морфологического, синтаксического состава предложений. Если исследовать фонетику, то в тексте мы увидим множество шипящих, глухих звуков. Так Паустовский передает ночную тишину, таинственные шорохи, шум дождя, шелест листьев. Автор использует многосложные слова, которые преследуют определённую цель. Например, слово *особенно* – подчеркивает значимость микротемы для автора. С помощью слов: *вполголоса, неторопливый, прохладный, угловатые*, выражается неполнота признаков. Так писатель передает нечёткость, размытость очертаний в ночной темноте. На уровне словообразования внимание привлекают суффиксы в словах *особенно, осенние, прохладный, угловатые, тончайшую, блестящую*. Лексический состав представлен нейтральной лексикой. Слово *хорошо* (категория состояния) входит в формулировку темы отрывка. На уровне дискурса автор подразумевал простое значение слова: достойный, близкий. На уровне текста происхождение этого слова восходит к *Хорош (Хорс)*, что означает имя Бога Чистого Света у славян. Тогда в словосочетании «*особенно хорошо*» появляется иное значение – «ощущение не этой реальности», и тема микротекста получает иное смысловое звучание.

Этот смысловой ряд составляют слова, которые обозначат стихии. Так *отвесный дождь* - это стихия Воды, *прохладный воздух* говорит о стихии Воздуха, *язычок свечи* являет собой Огонь, *садовые дорожки* – Земля. Соединение этих стихий в рамках микротекста – это, с одной стороны, демонстрация гармонии мира, а с другой стороны, - стремление человека достичь этой гармонии. Природа ведет разговор с человеком: дождь шумит *вполголоса*, у свечи – *язычок*. Нельзя не подчеркнуть, что эти слова имеют дополнительные смыслы только в этом микротексте. Приращение смыслов возможно только в тексте, но не в дискурсе.

В тексте использует Паустовский такие средства выразительности, как оксюморон, например, *«шумит вполголоса, лежат на потолке»*. Плеоназм: *«тихие ночи»* Автор использует приём, который заставляет сомневаться в целенаправленности дискурса. Нужно это, чтобы читатель мог увидеть скрытый смысл текста. Слова *«тихие, неторопливый, вполголоса»* служат для создания впечатления, что процессы, описанные в тексте замедлены. А суффикс «айш» в слове *«тончайшая»* служит для того, чтобы смысл слова был понят предельно точно. Поставленная автором цель – рассказать о мире тонких энергий, неуловимых нюансах чувств – достигнута.

Слово *«виноград»*, которое по своему происхождению восходит к слову *«вить»*, создает не только представление замкнутого пространства, но и иллюзию уюта. При этом реализуется идея текста на уровне дискурса. Хотя на уровне текста, где есть невербальная, скрытая или подтекстовая информация, можно понять, что К.Паустовский говорит о тонкой энергии, проявляющейся в ночные часы. Эта энергия вьется и виляет.

Воздушную стихию олицетворяет слово *«бабочка»*. Если обратиться к этимологическому словарю, то мы поймем, что *«бабочка»* - это *«душа умершей бабки-берегини»* (душа), которая *«садится на раскрытую книгу и ...оставляет тончайшую блестящую пыль»*. Автор явно намекает, на что-то необъяснимое, тонкое, что еще не познано человеком. Паустовский использует антитезу *«блестящая пыль»*. В данном контексте словом *«пыль»* несет

положительный смысл, т.к. здесь подразумевается слово «*пыльца*». Обратившись к статье этимологического словаря, мы узнаем, что слову «*пыль*» близки по смыслу слова «*пылкий, пыл, пламя*». И опять в тексте упоминается стихия Огня.

Рассмотрим текст с точки зрения морфологии. Так как Паустовский использует такой тип речи, как описание, то приоритет он отдает именам существительным в сочетании с прилагательными. Действие в данном тексте второстепенно. Имена прилагательные служат более точному описанию беседки, они передают чувства рассказчика, что реализует идею дискурса.

Анализируя текст с точки зрения синтаксиса, мы видим, что предпочтение автор отдает простым предложениям, но все же первое предложение сложное. Грамматическая основа предикативной части выражена словом категории состояния (хорошо). Четвертое предложение текста осложнено обособленным определением, выраженным причастным оборотом. На уровне дискурса его можно рассмотреть как сравнение. С точки зрения текста оборот позволяет автору ввести понятие «Восток» (шёлк-сырец). Ведь сакральные знания берут начало именно на Востоке, в Китае, Индии. В последнем предложении текста грамматическая основа выражена личным глаголом в безличной форме. Таким образом, особенности структуры данного микротекста состоят в том, что его границы очерчены односоставными безличными предложениями.

Действия бабочки автор описывает, употребляя однородные сказуемые. Так автор передает мысль о том, что «*мир статичен, а бабочка динамична*». Концовка микротекста, то есть последнее предложение, осложнено двумя рядами однородных членов: первый ряд – определения к слову *запах* (*нежный и острый*), второй ряд – дополнения (*влаги и дорожек*).

Итак, понятие «текст» отличается от понятия «дискурс»: автор, используя скрытые смыслы, позволяет расширить рамки мира материального и выйти на уровень идей, мыслеформ, которые имеют глубокие культурные корни. «В сущности, язык художественной литературы, развиваясь в истори-

ческом контексте литературного языка народа и в тесной связи с ним, в то же время как бы является его концентрированным выражением» [Виноградов, 1980]. В науке и до сих пор не утихает спор о том, стоит или не стоит язык художественной литературы в наряду с функциональными стилями. Возникает вопрос: можно или нельзя считать его «художественным стилем». Если исходить из того, что стили языка соотнесены с определёнными типами социальной деятельности и с определёнными типами работы сознания (мышления), то каждому из языковых стилей свойственна информация, функционирующая в том или ином типе социальной деятельности. Тогда язык художественной литературы, как и другие функциональные стили, соотнесён со «своим» типом социальной деятельности и «своим» типом работы сознания (мышления), а именно: «с художественной, эстетической деятельностью людей, занимающей в современном обществе своё особое место в системе деятельностей» и «с образно-эмоциональной и эстетической работой сознания и мышления (не исключаящей, разумеется, ни обобщения, ни познания)» [Головин, 1988]. Но можно говорить о языке художественной литературы как о явлении более широком и разнообразном, в истории культуры более значимом, чем функциональные стили, к тому же могущем иметь в своём составе элементы, почерпнутые из любого функционального стиля. «Проникновение в художественную речь элементов просторечия, диалектизмов, устаревших единиц языка, возможность мотивированного введения в художественное произведение контекстных (предназначенных только для данного случая) неологизмов делают эту разновидность языка настолько отличной в речевом отношении от более строго организованных в этом плане научных и официально-деловых текстов, что признание за ней «статуса» функционально-речевого стиля не кажется терминологически оправданным. ... В то время как речь научная, официально-деловая и публицистическая нормами общелитературного языка регулируются. А нельзя забывать, что они являются составной частью языка художественной литературы включает в себя такие средства и способы выражения, оценка которых с точки зрения норм литера-

турного языка недостаточна. Явно недостаточна и оценка языковых особенностей художественных текстов с точки зрения основной, коммуникативной функции языка, которая всегда выступает там в сложном взаимодействии с так называемой «поэтической», или «эстетической», функцией». [Шмелёв 1976: 59]

Не вдаваясь в полемику, следует отметить, что если «язык художественной литературы «рядоположен» каждому функциональному стилю в отдельности в том отношении, что, как и они, соотнесён с определённым типом социальной деятельности и определённым типом работы сознания (мышления), то всем им вместе взятым он противопоставлен по следующим признакам: 1) широко использует «не свои» языковые единицы разных уровней; 2) отличается от функциональных стилей спецификой языковой нормы; 3) отличается от функциональных стилей, выполняющих прежде всего «практические» функции, особой эстетической функцией. Язык художественной литературы позволял выявить на уровне больше предложения характеристику не самой языковой единицы, а принципы выбора и организации языковых единиц в микротексте».

В плане лингвистическом художественные микротексты характеризует свобода самовыражения автора, широкое использование всех слоёв языка, употребление индивидуальных нестандартных сочетаний, создание авторской неповторимой манеры письма. «Художественность» микротекста создаётся сочетанием словесно выраженных значений и имплицитных вторичных смыслов, «подтекстных» явлений, знаки которых имеются и на эксплицитном уровне, но трудны для восприятия неподготовленных реципиентов». «Поэтические средства скрыты в морфологической и синтаксической структуре языка...» [Якобсон 1985: 73]. А также – в фонетической, морфемной, словообразовательной, лексической.

«Первоначальное проявление эстетической функции языка усматривается во всех случаях, когда автор специально обращает внимание на форму словесного выражения, как-то её оценивает, отражая важную общую законо-

мерность – особое внимание к языку, к тому, как, с помощью каких языковых средств выражена мысль, как достигается совершенство языковой формы и ее гармония с содержанием». Образность – главная отличительная черта языка художественной литературы и целеустановка автора, благодаря чему язык в произведениях художественной литературы выступает как материал, из которого строится образ. «Главное, что отличает эстетическую функцию языка от его «практических» функций (общения, передачи информации), – это направленность формы словесного выражения не только на передачу того или иного содержания, но и на самое себя, на собственное совершенство, которое позволяет в самом языке ощущать прекрасное. «Практические» функции языка требуют работы над языковыми единицами с целью как можно более точного, ясного и общедоступного выражения информации; эстетическая функция языка требует работы над языковыми единицами с целью открыть читателю прекрасное в самом слове». [Виноградов 1980: 242]

Анализ микротекстов книжных функциональных стилей демонстрирует совсем иную картину коммуникативно мотивированного текста. Каждая функция языка определяет ту или иную манеру изложения – точную, объективную, конкретно-изобразительную, информативно-деловую. В соответствии с этим «каждый функциональный стиль выбирает из литературного языка те языковые единицы (слова и выражения, формы и конструкции), которые выполнить внутреннюю задачу данного стиля могут наилучшим образом. В школьной базовой (стандартной) программе книжные стили литературного языка чаще всего сопоставляются на основе анализа их лексического состава, так как именно в лексике заметнее всего проявляется их различие». Анализ отрывков книжных функциональных стилей позволяет выявить особенности использования языковых единиц разных уровней в каждом функциональном стиле и их интеграцию в зависимости от цели конкретного текста, с одной стороны. «А с другой стороны позволяет определить те языковые единицы, которые используются одновременно в двух-трех функциональных книжных стилях. Анализируемый микротекст, являясь исходным

материалом, демонстрирует все средства связи, все языковые скрепы, все приёмы, позволяющие реализовать целостность, что в итоге маркирует микротекст определенного функционального стиля и определённой коммуникативной направленности». Рассматривать художественный текст как дискурс – упрощать само понятие «текст» так, как только антропоцентрический аспект выделяет соотнесённость «автор – текст – читатель», в то время как лингвоцентрический («язык – текст») и текстоцентрический аспекты исследуют текст вне реципиента.

Если отрывок из художественного произведения должен рассматриваться в первую очередь с точки зрения текста, то публицистический текст – это прежде всего дискурс. Здесь задача автора – донести до читателя информацию, воздействовать на него.

В качестве примера был взят текст из популярного журнала:

«Многие считают, что значение трюфелей в гастрономии преувеличено. Серо-бурая субстанция с не очень приятным терпким запахом по вкусу напоминает картошку...Но это мнение не разделяют любители деликатеса, собравшиеся на традиционном ежегодном фестивале-аукционе белых трюфелей в итальянском городке Альба, – здесь их бойко покупают аж по 5 тысяч долларов за 500 граммов».

Рассмотрим его в качестве дискурса. Тема - «Трюфели». Идея- фестиваль – аукцион, который проведен в Италии. Именно эту мысль автор желал донести до читателя. Проблемой в данном случае будет стоимость трюфелей. Фраза – зачин: *значение трюфелей преувеличено* – имеет слово, вмещающее все содержание данного текста. Этим словом будет *трюфели*. Данный дискурс не настраивает читателя на размышления. Все описано очень конкретно. Дискурс выполняет лишь информативную функцию.

При рассмотрении отрывка с точки зрения текста, нам снова нужно обратить внимание на синтаксическую схему:

1. ЗТ

что?

что 2)

изъяс.

2.

2)

1)

→ 3. К 1) обособ. опред., выраж. прич. об.

Структурная схема доказывает, что данная конструкция проще, чем в художественном тексте, что является свидетельством информативности отрыва. Зачин обозначен структурой сложноподчинённого предложения минимальной структуры с придаточным изъяснительным, что характерно для текстов информативного характера. Концовка реализуется бессоюзным предложением закрытой структуры. Обособленное определение, выраженное причастием с зависимыми словами, стоящее после определяемого слова (постпозиция), содержит основной блок информации. В то же время используемые слова не несут в себе смыслы второго и третьего плана, как это было в художественном тексте, – интерпретировать данное содержание не представляется возможным. Следовательно, чтобы понять суть, не нужно вникать в построение данной конструкции: все акцентированные языковые единицы разных уровней держат форму микротекста. Это еще раз доказывает тот факт, что в публицистике дискурс занимает главное место.

Анализ языковых единиц и явлений микротекста публицистического стиля выявил основное свойство современных публицистических текстов – соединять противоположное, казалось бы, несоединимое: стандарт и образность, логичность и эмоциональность, оценочность и доказательность, доходчивость и лаконичность, информативную насыщенность и экономию языковых средств. Средства воздействия на реципиента (с целью оказать воздействие на разум и чувства) преимущественно эмоциональные и, в меньшей степени, логические. Наличие клише, публицистических штампов,

пафосности predetermined жанром. Целеустановка автора акцентировала в данном микротексте комплекс «фестивале-аукционе», проявляя неоднородность, противоречивость публицистического стиля.

Далее рассмотрим отрывок из учебника физики, который будет являться примером научного текста:

«При увеличении магнитного потока через витки катушки индукционный ток имеет такое направление, что создаваемое им магнитное поле препятствует нарастанию магнитного потока через витки катушки. Ведь линии индукции этого поля направлены против линий индукции поля, изменение которого порождает электрический ток. Если же магнитный поток через катушку ослабевает, то индукционный ток создает магнитное поле с индукцией, увеличивающее магнитный поток через витки катушки. В этом состоит сущность общего правила определения направления индукционного тока, которое применимо во всех случаях».

Структурная схема:

1)

1. ЗТ

что2)

какое?

опред.

1)

2.

какого?

как.2)

опред.

2)

3.

если1)

в каком случае?

1) обособ. опред., выраж. прич. об.

услов.

1)

4. К

какое?

Кот. 2)

опред.

«Данный отрывок является больше дискурсом, чем текстом, который представлен единицами коммуникативного характера. Он имеет коммуникативно-прагматическую направленность. Его целью является донести до читателя конкретную информацию, а именно правила определения направления индукционного тока. Это правило является идеей дискурса. Тема может быть определена как «Индукционный ток». Проблема дискурса – определение направления тока. При рассмотрении отрывка как текста, мы видим, что синтаксическая конструкция довольно сложная. «Сложность предложений состоит в том, что здесь множество научных терминов, которые необходимо пояснять. Поэтому почти все предложения – сложноподчиненные с придаточными определительными. Содержит описание иных параметров магнитного поля сложноподчиненное предложение с придаточным условия (третье по порядку). В этом же предложении придаточное условия содержит обособленное определение, выраженное причастием с зависимыми словами, стоящее после определяемого слова (постпозиция)». Это осложнение предикативной части не несёт никакой нагрузки, кроме дополнительной информации о предмете научного описания. «Целеустановка данного микротекста – обозначить понятие «определение направления тока», поэтому семантическое поле содержит только те элементы, которые способствуют её выполнению. Языковых единиц и явлений микротекста научного стиля анализ выявил его свойства: обобщённость, объективность, подчёркнутая логичность, ясность изложения, сжатость при насыщенности содержания, конкретность (отсут-

ствие образности, экспрессии, эмоциональности). Композиция микротекста для научного стиля стереотипна, информация – фактическая, средства связи – логические. Языковые особенности всех уровней строго функциональны: преобладание абстрактной лексики, слов, употреблённых в прямом номинативном значении, предложения повествовательного характера, с прямым порядком слов». Неоднократное повторение слов (терминов), обозначающих тему, концентрирует внимание именно на ней, составляя комплекс данного микротекста. И в то же время функции отрывка соответствуют функциям дискурса.

Официально-деловой текст анализируем, с точки зрения дискурса, так как такие тексты состоят в большинстве своем из клише. Используется каждое клише в зависимости от ситуации. Это тип высказываний ограниченный, то есть дискурс. Как пример официально-делового текста рассмотрим приказ:

«ПРИКАЗЫВАЮ»

«Демьянова Николая Владимировича – зачислить в число студентов Московского института стали и сплавов (факультет «Институт современных технологий») по направлению 031000 «Инженерия» на 3 курс заочной формы обучения (группа ИАД 21) с полной оплатой стоимости обучения. Ранее обучалась в ОГПОУ «Государственный педагогический институт им. А.С. Пушкина».

Ликвидацию академической задолженности осуществлять в соответствии с утвержденным индивидуальным учебным планом».

Конструкция максимально упрощена:

1.

ЗТ

2.

3. К

«Делаем вывод, что перед нами дискурс. В тексте содержится только суть. Текст официально-делового стиля характеризуется точностью изложе-

ния, однозначностью формулировок, которые не допускают двоякого понимания смысла текста, абсолютной информативностью, широким использованием клише, стереотипностью композиции текста, отсутствием эмоциональности».

Тема представленного дискурса – приказ.

Анализ языковых единиц и явлений микротекста официально-делового стиля выявил свойства данного стиля: точность, однозначность формулировок, не допускающих двоякого толкования, информативность, предписывающе-обязательный, неличный характер изложения, стандартность, наличие клише, стереотипность композиции, компактность структуры текста, унифицированность языковых средств, отсутствие образности, эмоциональности, экспрессивности.

«Следовательно, автор выполнил поставленную перед собой задачу.

Темой данного дискурса будет «Приказ». Идеей – зачисление студента в Московский институт стали и сплавов.

«Рассмотрим способы реализации политического дискурса во взаимодействии с дискурсом художественным на материале романа»

М. Шолохова «Тихий Дон»

В речи Мелехова читатель обнаруживает нежелание принимать сущность понятия «Советская власть», которая очерчена категориями политического дискурса:

«<...> А власть твоя, - уж как хочешь, - а поганая власть. Ты мне скажи прямо, и мы разговор кончим: чего она дает нам, казакам? <...>

- Свободу права... Да ты погоди!.. Постой, ты чего-то?

<...> Земли дает? Воли? Сравняет?.. Земли у нас - хоть заглонишь ею. Воли больше не надо, а то на улицах будут друг дружку резать. Атаманов сами выбирали, а теперь сажают. Казакам эта власть, окромя разору, ничего не дает! Мужичья власть, им она и нужна. Что коммунисты, что генералы - одно ярмо. [Шолохов, кн.3, ч.6, гл.18]

«Целый ряд элементов политической лексики (власть, коммунисты, генералы, атаманы) взаимодействуют с лексикой художественной, присущей казакам начала XX века (поганая, ярмо, окромя разору, заглонишь). В данном отрывке наблюдается «текст плюс ситуация», то есть язык измененный говорящим и включенный в контекст романа». Таким образом, перед нами пример дискурса, который дополняет текст романа.

Итак, нами доказано, что отдельно взятый функциональный стиль является собой сложную систему, которая охватывает все языковые уровни и характеризуется специфическими особенностями, которые, в свою очередь, создаются набором определённых языковых единиц».

Глава 3. Понятие «текст» в культурологическом, лингвистическом, семиотическом планах.

3.1 Аспекты изучения текста

Термин «текст» (от лат. *textus* – ткань, сплетение, соединение) широко используется в литературоведении, лингвистике, эстетике, а также философии. Ю. Лотман отметил: «Бесспорно, один из самых употребимых терминов в науках гуманитарного цикла». За словом «текст» находится несколько разных, хотя и взаимосвязанных значений.

Данный термин первоначально и глубоко укрепился в языкознании. Для лингвистов это акт применения естественного языка. Ему присущи связность и завершенность. Текст строго отграничен от окружающей речевой и внеречевой реальности. У него есть ярко выраженные начало и конец. Текст это - цепь предложений, которая является неделимой коммуникативной единицей.

«Лингвистическое понимание текста в одних случаях – узкое (текст как «языковое выражение определенного смыслового ряда»), в других – более широкое. Научная дисциплина - лингвистика текста, рассматривает текст как речевое образование (произведение) с его языковой «плотью»), построением и смыслом».

«Термин «текст» широко используется и в литературоведении. Это – речевая грань литературного произведения, которая выделяет в нем идейно-смысловую сферу (художественное содержание). Обсуждая вопросы теоретической поэтики, Ю.М. Лотман в начале 1970-х годов писал: «Следует решительно отказаться от представления о том, что текст и художественное произведение – одно и то же. Одним из компонентов художественного произведения является текст – <...> в целом возникает из сопоставлений текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений» [Лотман 1998: 23].

Современные ученые часто включают в «пространство» литературно-художественного текста (помимо речи) изображенное писателем художественное содержание, вместе с выраженными им идеями, концепциями, смыслами. Слова «текст» и «произведение» в подобных случаях оказываются синонимами.

Но правильное в литературоведении представление о тексте как о строго организованной последовательности речевых единиц. «Необходимо отметить, что различаются основной текст произведения и его побочный текст: заглавия и примечания, эпиграфы, посвящения, авторские предисловия, обозначения дат и мест написания, а также перечни действующих лиц и ремарки драматических произведений, которые стали предметом специального изучения».

Бахтин в работе «Проблемы текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Как опыт философского анализа рассмотрел текст как «первичную данность (реальность) и исходную точку всякой гуманитарной дисциплины»: «Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарные дисциплины» [Бахтин 1976: 131]. Характеризуя текст как высказывание, которое имеет «субъекта, автора», ученый назвал «истинно творческим текстом», являющим собой «свободное <...> откровение личности»: смысл текста «в том, что имеет отношение к истине, правде, добру, красоте, истории». Бахтин подчеркивает, что «текст верен

своей природе и поэтому поддерживает «диалогические отношения»: являет собой отклик на предыдущие высказывания и адресацию к духовно-инициативному, творческому отклику на него. Субъекты диалогических отношений, по Бахтину, равноправны. Эти отношения личностны, сопряжены с внутренним миром людей, с их приобщением к неким смыслам, устремлены к взаимопониманию и единению.

Ю.М. Лотман говорил о тексте как о явлении гуманитарно значимом. Рассматривая культуру как «механизм роста информации», как «совокупность текстов или сложно построенный текст», ученый утверждал, что текст обладает авторитетностью, что он представляет собой истину по сути, а возможность быть ложным для него невозможна: «Ложный текст – это такое же противоречие в терминах, как ложная клятва, молитва, лживый закон. Это не текст, а разрушение текста» [Лотман 1998: 34].

Ю. Лотман рассматривал в качестве текстов законы, проповеди священников, рекомендации врачей, социальные инструкции, а также произведения искусства и подчеркивал, что участники общения на текстовой почве резко отделены или даже противопоставлены друг другу: творцы (создатели) текстов вещают некие истины в малопонятной для других, даже закодированной форме («чтобы восприниматься как текст, сообщение должно быть не- или малопонятным»). А читатели текстов, их авторам внимают с полным доверием, иногда прибегая к помощи толкователей: тексты подлежат «дальнейшему переводу (на другой семиотический код) или истолкованию». «Чтобы быть взаимно полезными, – утверждает ученый, – участники коммуникации должны «разговаривать на разных языках». «Текст, апеллирующий к его переводу на иной язык и творческому истолкованию, трактуется ученым как содержательно открытый и многозначный: он является «не только пассивным вместилищем <...> смыслов», но и «смысловым генератором» [Лотман 1998: 57].

Ярким примером текста в романе «Тихий Дон» является описание природы. С большой любовью и трепетом изображает Шолохов природу родных

мест. Все: каждый куст, дерево и сама земля-матушка одухотворены и разделяют с героями и счастливые мгновения их жизни, и минуты горечи. Например, в эпизоде убийства казаками красного командира Лихачева, читатель наблюдает последние минуты жизни героя. Перед смертью он любит пробуждающуюся после зимней спячки природой. Лихачев, проходя мимо березы, сорвал веточку. *«На ней уже набухали мартовским сладостным соком бурые почки; сулил их тонкий, чуть внятный аромат весенний расцвет, жизнь, повторяющуюся под солнечным кругом...Лихачев совал пухлые почки в рот, жевал их, затуманенными глазами глядел на отходившие от мороза, посветлевшие деревья и улыбался уголком небритых губ».* [Шолохов кн.3: ч.6: гл.31]

Шолохов описывает человека, способного чувствовать природу. Он связан с ней духовно, но трагичность ситуации в том, что герой вынужден расстаться с жизнью. Его ждет жестокая казнь. Кажется, что природа в данном отрывке принимает непосредственное участие в судьбе красного командира.

Подводя итог вышесказанному, можно сказать, что текст по

М.М. Бахтину и Ю.М. Лотману как «феномен культуры в его наиболее полном представлении – квинтэссенция языка в действии, можно сказать памятник когда-то приведенного высказывания. Это речевое действие, призванное «работать» (функционировать) вне времени и места его создания. талантливый автор оно должно быть тщательно продумано и отшлифовано. «Текст, воспринимаемый самыми разными людьми, включает в себе устойчивые, стабильные, значимые сведения, идеи. Он является средоточием духовно-практического опыта тех или иных общественных групп и отдельных личностей, очень одарённых и творческих. Образцы текстов наиболее яркие объединяют человеческие общности малые, и целые народы, и все человечество. Именно такова их великая миссия в составе культуры».

3.2 Разные точки зрения на «текст» как объект лингвистики

Читая формулировки определения текста в лингвистической литературе, приходит осознание того, что у разных исследователей разные подходы к самой единице. Внимание некоторых исследователей направлено на семантическую сущность текста. Р. Харверг в фундаментальной монографии дает структурное определение текста: «Текст – это последовательность языковых единиц, построенная при помощи непрерывной цепочки» [Харверг 1968: 48].

В ряде определений внимание исследователя направлено на аспект продуцирования текста: «В самом общем виде текст можно определить, как продукт речемыслительной деятельности людей, возникающий в процессе познания окружающей действительности, в процессе непосредственной коммуникации» [Абрамов 1974: 3]. М. Пфютце рассматривает текст как «определенную в функционально-смысловом отношении упорядоченную группу предложений или аналогов, предстающих благодаря семантическим и функциональным взаимоотношениям элементов как законченное смысловое единство» [Пфютце 1978: 234].

Некоторые исследователи считают, что «смысловое единство обусловлено единством референции (анафорические и катафорические связи), лексическим единством, единством коммуникативной перспективы (рема-тематическим членением последовательного ряда предложений), временным единством». Большое внимание уделяется основанной на семантической эквивалентности изотопии текста (парной или цепной). В этом случае единство текста обуславливается взаимосвязью текстом, представляющей как многократное воспроизводство значения в одинаковых или близких смысловых единицах, причем изотопия возникает благодаря рекурренции семантически эквивалентных элементов.

Обязательный атрибут текста – организованность единиц. Имея это в виду, иногда вместо термина «текст» употребляется термин «правильный текст». Таким образом, текст есть некоторая «организованная» последовательность цепочек слов, предложений или других единиц текста»

[Пробст 1979: 7].

Текст состоит из содержательных частей (в композиционном плане), которые собой представляют элементы композиции или текстемы. Например, если взять какую-либо монографию, то текстемами будут главы, введение, заключение. Текстемы в свою очередь делятся на еще более мелкие единицы. Единицы этого уровня членения текста вызывают у лингвистов большинство споров. Одни называют их СФЕ (ССЦ), другие – абзацами, прозаическими строфами, периодами. Как правило, единицы этого уровня членения выступают в качестве наиболее крупного «строительного блока» текстемы или целого текста, если последний состоит из одной текстемы. Они строятся по определенным структурным схемам.

Рассматривая различные по объему, содержанию и стилю виды текстов, И.Р. Гальперин заключает: «Текст – это сообщение, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, состоящее из ряда особых единств, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, и имеющее определенный модальный характер и прагматическую установку» (Гальперин, 1974, 72). «Наиболее существенными и определяющими само понятие «текст» грамматическими категориями им признаются следующие: обусловленность, последовательность, интегративность, ретроспективность, зависимость / независимость отрезков текста, особый тип предикативности, информативность, прагматика, глубина (подтекст)» (Гальперин, 1977, 526).

В настоящее время под «текстом» понимается любое высказывание, состоящее из одного или нескольких предложений, несущее законченный смысл, с одной стороны, а с другой стороны, такое речевое произведение, как роман, повесть, журнальная статья, научная монография, документы различного рода и т.п. В качестве текстов рассматриваются также части целого речевого произведения – главы, параграфы, абзацы.

Множество примеров текста можно привести, обращаясь к роману Шолохова «Тихий Дон». Заключительные строки главы 12 первого книги являются ярким примером текста:

«На обратном пути, уже в сумерках, Григорий первый заметил на просеке труп зарубленного. Подскакал, опережая остальных, удерживая всхрапывающего коня, всмотрелся: на курчавом мху, далеко откинув вывернутую руку, плашмя, зарывшись лицом в мох, лежал зарубленный. На траве тускло, осенним листом желтела ладонь. Ужасающий удар, нанесенный, по всей вероятности, сзади, расклинил пленного надвое, от плеча наискось до пояса.

— Полохнул он его... — глухо проговорил урядник, проезжая, испуганно косясь на белесые вихры убитого, никло торчавшие на покривленной голове.

Казаки ехали молча до места стоянки сотни. Сгущались сумерки. Черную перистую тучу гнал с запада ветерок. Откуда-то с болота подползал пресный запах мочажинника, ржавой сырости, гнилья; гукала выпь. Дремная тишина прерывалась звяком конской сбруи, случайным стуком шашки о стремя, хрустом хвои под копытами лошадей. Над просекой меркли на стволах сосен темнорудые следы ушедшего солнца. Чубатый часто курил. Глеющий огонек освещал его толстые, с выпуклыми черными ногтями пальцы, крепко сжимавшие цыгарку.

Туча наплывала над лесом, подчеркивая, сгущая кинутые на землю лиляные, непередаваемо-грустные краски вечера». [Шолохов кн.1: гл.12]

Данный текст «характеризуется смысловой цельностью, лексическим единством, единством коммуникативной перспективы, временным единством. Он нарисован темными мрачными красками, пропитан запахом, «ржавой сырости, гнилья» и жалостью к убитому молодому австрийцу».

«Объединяются все эти речевые произведения и их части прежде всего на основе критерия смыслового единства и функционального критерия коммуникативной значимости. Критерий смыслового единства можно применить и к однословному предложению-высказыванию, например, «Весна!», и к це-

почке предложений внутри целого произведения, объединённых единством темы, и к произведению самого большого объёма, если понимать под смысловым единством целого произведения «общий смысл» произведения, его основную идею». «Точно также применим и к однословному предложению, и к сложному синтаксическому целому, и к целому литературному произведению или научному труду функциональный критерий коммуникативной значимости. Наконец, их объединяет и то, что формальные средства, структурирующие цепочку предложений как сложное синтаксическое целое (проформы, лексические повторы, единство временного и модального плана и др.), прослеживаются также и на больших отрезках текста, состоящих из ряда сложных синтаксических целых, часто на целых главах произведения или же на всём произведении (повести, рассказе, газетной или научной статье), создавая две разновидности связей в тексте – контактные и дистантные связи».

Таким образом, лингвистический (с точки зрения системы языка) подход к тексту сохраняет свою актуальность, и ему вполне «по силам» изучать и микротексты (цепочки, содружества предложений), и целостные речевые произведения (макротексты), но в соответствии со своими методами и возможностями.

в языковой системе с точки зрения статуса текста существует ряд определений текста.

Согласно Вайнриху, «текст – это упорядоченная последовательность морфем, состоящая минимально из двух морфем, максимальный же её состав не ограничен».

Роллан Барт под текстом понимает «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причём связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся к собственно языку».

«Текст – это множество высказываний в их функции и – соответственно – социокоммуникативная реализация текстуальности» [Шмидт 1978: 89].

«Текст как единица языка может быть определён как то общее, что лежит в основе отдельных конкретных текстов, то есть, так сказать, схемы построения или «формулы строения» текста (или текстов разных типов)» [Бархударов 1975: 40].

«Связный текст понимается обычно как некоторая (законченная) последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора» [Николаева 1978: 6].

«Любая последовательность предложений, организованная во времени или пространстве таким образом, что предполагает целое, будет считаться текстом» [Кох 1978: 162].

Примером текста является диалог.

«Степан подошел к Григорию и, ухватившись за стремя, плотно прижался к потному боку жеребца.

— *Ну, здорово, Григорий!*

— *Слава богу.*

— *Что ж ты думаешь? А?*

— *Чего мне думать-то?*

— *Сманул чужую жену и... пользуешься?*

— *Пусти стремя.*

— *Ты не боись... Я бить не буду.*

— *Я не боюсь, ты брось это! — румянея в скулах, повысил Григорий голос.*

— *Нынче я драться с тобой не буду, не хочу... Но ты, Гришка, помни мое слово: рано аль поздно убью!*

— *Слепой сказал: «Посмотрим».*

— *Ты крепко попомни это. Обидел ты меня!.. Выхолостил мою жизнь, как боровка... Видишь вон, — Степан протянул руки черными ладонями вверх, — пашу, а сам не знаю на что. Аль мне одному много надо? Я бы походя и так прозимовал. А только скука меня убивает... Крепко ты меня обидел, Григо-*

рий!..

— Ты мне не жалься, не пойму. Сытый голодного не разумеет». [Шолохов кн.3: гл.20]

Именно из произнесенных героями реплик читатель понимает, непростые взаимоотношения бывших друзей - Григория Мелехова и Степана Астахова. Но также автор в данном эпизоде завуалированно предсказывает дальнейшие события. Степан, разговаривая о своей обиде с Григорием, *«протянул руки черными ладонями вверх, — пашу, а сам не знаю на что»*. Этой репликой, которую произносит простой казак, автор показывает, что народ находится в неведении. Не понимают казаки, где их место в изменившемся обществе. Этот небольшой эпизод готовит читателя к тому, что будет происходить в стране дальше. Вражда Григория и Степана, влюбленных в Аксинью, перерастет в противостояние людей, живущих в одной стране.

Каждый текст характеризуется наличием определенной структурной организованности. Анализ структуры текста показывает, что за каждым текстом с конкретным содержательным наполнением стоит отвлеченный образец, который по аналогии со структурной схемой предложения может быть назван структурной схемой текста.

3.3 Лингвистические характеристики текста художественной литературы

Любой художественный текст имеет свои родо-жанровые признаки. Художественный текст строится по законам ассоциативно – образного мышления. В нём жизненный материал преобразуется в своего рода «маленькую вселенную», увиденную глазами данного автора, именно поэтому в художественном тексте всегда присутствует подтекстный, интерпретационный план, «вторичная действительность». Художественный текст строится на использовании образно-ассоциативных качеств речи.

Так в эпизоде возвращения Григория домой явно прослеживается подтекст. После холодной зимы оживает природа - *«лед отошел от берега»* -и

после суровых испытаний оживает душа Мелехова, а обламывающийся, «иглистый ледок» говорит о хрупкой надежде героя, на счастье.

Образ здесь конечная цель творчества, а средства образности подчинены эстетическому идеалу художника. Форма для художественного текста сама по себе содержательна, она оригинальна. В ней сущность художественности, так как избираемая автором «форма жизнеподобия» служит материалом для выражения иного содержания, например, описание пейзажа может оказаться ненужным само по себе, это лишь форма для передачи внутреннего состояния автора, персонажей. За счёт этого иного содержания и создаётся «вторичная действительность». Внутренний образный план часто передаётся через внешний предметный план. Так создаётся двуплановость и многоплановость текста.

Художественное слово в тексте оказывается понятийно неисчерпанным, так как в художественном тексте господствуют ассоциативные связи. Разные ассоциации вызывают разные «наращения смысла» (термин В.В. Виноградова). Одни и те же реалии нашего мира вызывают разные ассоциации и воспринимаются разными художниками по-разному. Например, «Солнце» для К. Бальмонта – символ праздничности, а для Ф. Сологуба – символ всего иссушающего, мертвящего.

Для художественного текста важен наглядный образ предмета, который возникает в памяти, в воображении. Именно наглядный образ является переходным звеном между восприятием и понятием.

Что касается структуры и функции высказываний в художественном тексте, то конструктивную роль призваны выполнять эмоционально-риторические структуры, которые соотносят текст с интерпретацией действительности.

Примером вышесказанному могут служить монологи Григория Мелехова в третьем томе романа "Тихий Дон".

«... Григорий остро ощутил горделивую радость: такой массой людей он ещё никогда не командовал. Но рядом с самолюбивой радостью тяжело

ворохнулись в нём тревога, терпкая горечь: сумеет ли он водить так, как надо? И ему ли властвовать над тысячами жизней и нести за них крестную ответственность. «А главное против кого веду? Против народа... Кто же прав?»[Шолохов кн.3 ч.6: гл.36]. Здесь мы видим, что Григорий встревожен, растерян. Он впервые командует тысячами казаков, и не хочет жертвовать их жизнями и нести за них ответственность. А самое главное в том, что он не понимает против кого поведёт их, опять же зачем? И кому верить, кто прав?

Эмоциональность, пронизывающая художественный текст, не обязательно сопряжена с образностью, хотя образность – одна из составляющих художественного текста.

«Текст, в системе обобщенных функциональных категорий, квалифицируется как высшая коммуникативная единица. Текст имеет свою микро- и макросемантику, микро- и макроструктуру. Структура текста зависит от внутренней организации единиц текста и закономерности взаимосвязи этих единиц в рамках цельного сообщения». [Москальская 1981: 13]

С.И. Москальская предлагает различать макротекст и микротекст. Под макротекстом понимается «целое речевое произведение..., то есть текст в широком смысле слова» [Москальская 1981: 13]. «Микротекст – это сверхфразовое единство (сложное синтаксическое целое) – текст в узком смысле слова» [Москальская 1981: 13].

Микротекст – это минимальная текстовая единица, а макротекст – это текстовая единица, представляющая собой объединение нескольких микротекстов.

Микротексты, объединяясь в группы, образуют макротексты. Понятия микро- и макротекста различают только в противопоставлении целого и части.

Примером макротекста может быть параграф, глава, или отдельное произведение (рассказ, статья, роман). Единицами текста являются: одно высказывание (реализованное предложение), межфразовое единство (ряд высказываний, объединенных семантически и синтаксически в единый фраг-

мент). Межфразовые единства в свою очередь объединяются в более крупные фрагменты-блоки и обеспечивают тексту целостность. На композиционном уровне выделяются – абзацы, параграфы, главы, разделы.

«Любой текст - это совокупность предложений-высказываний, которые объединяются в единицы текста на основе смысловых и структурных связей, образуя как фрагменты текста, так и целые произведения».

При конструировании текста используются предложения (максимальные единицы языка), которые становятся высказываниями (минимальными единицами речи), затем, объединяясь в семантико-структурные блоки, образуют разные типы и виды речевой организации.

Обратимся к роману М. Шолохова «Тихий Дон», который является макротекстом и рассмотрим эпизод (микротекст) «Убийство Чубатым молодого австрийца». Этот отрывок отличается наиболее большой вступительной частью, где мы знакомимся с Алексеем Урюпиным, казаком по прозвищу Чубатый. Образ этого героя читатель видит глазами Григория Мелехова.

«Григорий с удивлением замечал, что Чубатого беспричинно боятся все лошади. Когда подходил он к коновязи, — кони пряли ушами, сбивались в одну кучу, будто зверь шел к ним, а не человек. Под Станиславчиком сотня, наступая по лесистой и тонкой местности, вынуждена была спешиться. Коноводы брали лошадей и отъезжали в лоцинку, под прикрытие. Чубатому досталось коноводить, но он отказался наотрез.

— Урюпин, ты чего, сучье вымя, выколашиваешься? Почему не берешь коней? — налетел на него взводный урядник.

— Они меня боятся. Ей-богу! — уверял тот, тая постоянный смешок в глазах.

Он никогда не был коноводом. Со своим конем обращался ласково, хохлил его заботой, но всегда замечал Григорий: как только хозяин подходил к коню, по привычке не шевеля прижатыми к бедрам руками, — по спине коня волною шла дрожь: конь беспокоился.

— Ты скажи, угодник, чего от тебя кони полохаются? — спросил как-то Григорий.

— Кто их знает. — Чубатый пожал плечами. — Я их жалею.

— Пьяных по духу угадывают, боятся, а ты тверезый.

— Во мне сердце твердое, они чувствуют.

— Волчиное в тебе сердце, а может, и никакого нету, камушек заместо него заложенный.

— Может быть, — охотно соглашался Чубатый». [Шолохов, кн.1 гл.12]

Так микротексты, связанные между собой по смыслу составляют макротекст. Расположение членов предложения также играет текстообразующую роль. В отличие от других языков, например, английского, слова в русском языке располагаются относительно свободно. Но это приемлемо лишь для самостоятельных членов предложения. Служебные части речи (союзы, предлоги, частицы) имеют свое место в предложении. Эти ограничения связаны со структурной связанностью компонентов высказывания в пределах межфразового единства и их смысловой значимостью.

«Высказывание – это реализованное предложение, лексически наполненная, выражающая конкретную целеустановку единица речи. Высказывания бывают однообъектные и разнообъектные (в зависимости от того, сколько событий отражено в его содержании). Высказывание имеет два компонента: тему (данное) и рему (новое). Высказывания бывают двух типов в зависимости от их коммуникативных качеств. Информативные высказывания – сообщения описательного, повествовательного, аргументирующего, анализирующего типа. Верификативные высказывания служат целям утверждения или опровержения, контраргументации (полемиические, убеждающие, воздействующие высказывания). Основная, содержательная информация передается диктумом, дополнительная, оценочная, интерпретирующая – моду-сом» [Лотман 1970, 97].

Композиционное членение обусловлено решением автора. Абзац – это композиционно-стилистическая единица членения текста; это часть текста, которая заключена между двумя отступами. Ключевая фраза абзаца может быть расположена как в начале абзаца, так и в конце абзаца или сама выступать в роли отдельного абзаца. Объем и структура абзаца связаны с волей автора. По сравнению с межфразовым единством, абзац нельзя объединить в сложное предложение при помощи знаков препинания. Границы абзаца и межфразового единства могут не совпадать: в абзац может быть вынесено одно предложение. В одном абзаце может быть два и более сложных синтаксических целых, когда отдельные микротемы связываются друг с другом.

Итак, композиционное членение текста, абзацное, качественное отличается от семантико-синтаксического членения. Главное различие – доля субъективности и объективности в членении текста: абзацы более связаны с авторской волей, поэтому один и тот же текст может быть по-разному разбит на абзацы. В семантико-структурном плане текст имеет единицы – высказывание, межфразовое единство, фрагмент (объединение некоторого числа компонентов текст).

Заключение

Структура коммуникации содержит взаимосвязанные составляющие, находящиеся в постоянном взаимодействии и взаимовлиянии: интровертивную фигуру – текст, экстравертивную фигуру – дискурс. Мнения о тексте и дискурсе еще достаточно противоречивы: знания о них еще не сложились в четкую систему. Исследования в области синтаксиса, стилистики, психологии, изучение способов передачи информации приводят к анализу текста и дискурса.

В теоретической части данной дипломной работы был проведен анализ текста и дискурса, выявлены их различия, обоснованы их взаимоотношения. Мы выяснили, что нельзя смешивать понятия «текст» и «дискурс», поскольку они лишь дополняют друг друга, но не являются полностью взаимозаменяемыми.

Также в работе были рассмотрены мнения различных ученых, российских и зарубежных, касающиеся рассматриваемого вопроса, и сделаны выводы относительно природы рассматриваемого явления.

Еще одной проблемой, рассмотренной в нашей работе, являются взаимоотношения текста и дискурса с автором, читателем и действительностью. Исходя из анализа данной проблемы, мы выявили структуру текста и дискурса, их типологию и композицию. Текст и дискурс были рассмотрены с точки зрения устного и письменного использования, а также как явления, состоящие для их участников из двух составляющих: развернутой, явной (так называемой экспликативной) и скрытой, подразумеваемой (имплицативной). Нами было проанализировано соотношение *автор – текст – дискурс – читатель*. В результате был сделан следующий вывод: текст и дискурс можно рассматривать как результат деятельности (для автора) и как материал для деятельности (для читателя). Этим объясняются особенности конструирования, функционирования и восприятия текста и дискурса.

В практической части работы был сделан анализ отрывков из текстов различных функциональных стилей. Отрывки рассматривались как с точки зрения текста, так и с точки зрения дискурса. При рассмотрении учитывались свойства и особенности рассматриваемых понятий. Нами был сделан вывод о принадлежности отрывков к одному или к другому понятию.

Основной задачей, стоящей перед нами, являлось дифференцирование понятий «текст» и «дискурс». Поскольку полностью различить эти понятия можно, лишь исследуя их свойства, нами были даны различные характеристики понятий, помогающие в решении поставленной задачи.

Для лингвиста текст представляет собой. В первую очередь, фиксированный в письменной форме *языковой материал*, используя который возможно установить те или иные закономерности в развёртывании дискурсивного процесса, в устройстве языковой системы, а также выявить разнообразные свойства языковых единиц. В зависимости от теоретической установки текст может рассматриваться как последовательность единиц любого уровня

– слов и словосочетаний, морфем и фонем, а вовсе не только как последовательность предложений.

В современном обществе наблюдается упадок культуры речи. Это заставляет искать новые подходы к изучению языка. Интерес к тексту и дискурсу можно объяснить тем, что появляются новые направления изучения фигур коммуникации. Но нельзя забывать и о традициях. Выдвижение текста и дискурса как объектов исследования также обусловлено тем, что сведения о них расширяются в связи с новыми открытиями в ряде смежных наук: семиотике, риторике, психолингвистике, теории коммуникации, лингвокультурологии, лингвофилософии.

Использованная литература

1. Алефиренко Н. Ф. Дискурсивное сознание: с1. Алефиренко Н. Ф. Дискурсивное сознание: синергетика языка, познания и культуры // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты, вып. 15. – Москва: ИНИОН РАН, МГЛУ. 2009. с. 14–20.
2. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 12-53.
3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса— М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.— 280 с.
4. Барт Р. Мифологии // Избранные произведения. [Текст]/ Р. Барт М.: Прогресс 1994.
5. Ермолов А. Валдайская речь Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.baltpp.ru/a/2014/10/24/valdayskaya-rechputina/> (дата обращения: 20.03.2015). Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. URL:
6. Фуко М. Археология знания. [Текст]/ М. Фуко - Киев: Ника-Центр 1996. с.134-135
7. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. [Текст]/ Ю.М. Лотман. - М., 1970, с.95-98

8. Москальская О.И. Грамматика текста. Пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков. — М.: Высшая школа, 1981. — 183 с.

9. Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стил. [Текст]/ В.Е. Чернявская – С П б: С П б Г У Э Ф . 2003. с. 65-71

10. М. М. Бахтин. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках [Текст]/ М. М. Бахтин Под ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелева. М., 1976, с. 181-198.

инергетика языка, познания и культуры // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты, вып. 15. – Москва: ИНИОН РАН, МГЛУ. 2009. с. 14–20.

2. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 12-53.

3. Макаров М. Л. Основы теории дискурса— М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.— 280 с.

4. Барт Р. Мифологии // Избранные произведения. [Текст]/ Р. Барт М.: Прогресс 1994.

5. Ермолов А. Валдайская речь Путина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.baltrp.ru/a/2014/10/24/valdayskaya-rechputina/> (дата обращения: 20.03.2015). Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай» [Электронный ресурс]. URL:

6. Фуко М. Археология знания. [Текст]/ М. Фуко - Киев: Ника-Центр 1996. с.134-135

7.Лотман Ю.М. Структура художественного текста. [Текст]/ Ю.М. Лотман. - М., 1970, с.95-98

8. Москальская О.И. Грамматика текста. Пособие по грамматике немецкого языка для институтов и факультетов иностранных языков. — М.: Высшая школа, 1981. — 183 с.

9. Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стиль. [Текст]/ В.Е. Чернявская – С П б: С П б Г У Э Ф . 2003. с. 65-71
10. М. М. Бахтин. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках [Текст]/ М. М. Бахтин Под ред. Л. П. Крысина и Д. Н. Шмелева. М., 1976, с. 181-198.
11. Шолохов, М.А. Тихий Дон: роман в четырех книгах/ М.А. Шолохов. – М.: Современный писатель, 1993.
12. Плеханова Т.Ф. Дискурс-анализ текстаТ.Ф. Плеханова Плеханова Воронеж, 2004. - 76 стр. Учебное пособие.
13. А.А. Леонтьев. ... Психология, лингвистика и междисциплинарные связи: Сборник научных работ к 70-летию со дня рождения Алексея Алексеевича Леонтьева. М.: Смысл, 2001. - 392 с.
14. Волошинов В.Н. Избранные философские произведения / Ч.С. Пирс. М.: Логос, 2000. - с. 176 - 233.
15. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность[Текст]/ Л.В Щерба. - М., 1974. - с. 25.
16. Тён ван Дейк. Язык, познание, коммуникация. М.: Прогресс,1989. - 312 с.
17. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. ISBN 5–88234–552–2
18. Ю.Е. Прохоров И.А. Стернин Русские: коммуникативное поведение [Текст]/ Ю.Е. Прохоров И.А. Стернин Москва, Издательство «Флинта» 2006.
- 19.ЗалевскаяА.А. Биобиблиографический указатель[Текст]/ А.А Залевская. – М. ; Тверь, 2001. – С. 36-46.
20. Маслова В.А. Современные лингвистические направления[Текст]/ В.А. Маслова М.: Эдиториал УРСС, 2000. — 352 с.

21. Кристева Ю. К82 Избранные труды: Разрушение поэтики / Пер. с франц. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 656 с. (Серия «Книга света»)
22. Избранные труды. О языке художественной прозы [Текст] / В.В. Виноградов - М., 1980. - С. 240-249
26. Головин Б.Н. Основы культуры речи Учебник для вузов. — 2-е изд., испр. — М.: Высшая школа, 1988. — 320 с. — ISBN 5-06-001165-8.
23. Лотман Ю.М. Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. – СПб.: «Искусство – СПб», 1998. – С. 14 – 285.
24. Абрамов В. П. Семантические поля русского языка[Текст] / В. П. Абрамов; Академия пед. и соц. наук, Кубанский гос. ун-т. М.; Краснодар, 2003. - 337 с.
25. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка [Текст] / Д. Н Шмелев. - М.: Просвещение, 1964. - 244 с.
26. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования[Текст] / И.Р. Гальперин – М.: Наука, 1981. – С. 27-28.
27. Бархударов Л. С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода [Текст] / Л. С. Бархударов – м.: Советский писатель, 1975. – 238 с.

Приложение

План-конспект урока по литературе 11 класс по теме: «Анализ эпизода романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» (книга 4, ч.8, гл. XVIII)

Тип урока: урок-обсуждение

Применяемая современная образовательная технология: развитие критического мышления через чтение и письмо, личностно ориентированная.

Формы работы: аналитическая беседа, решение проблемного вопроса, коллективная работа по составлению спиральной схемы, кластера.

Цель занятия:

Учебная: формирование целостного представления об особенностях характера и перипетиях судьбы главного героя романа «Тихий Дон»; показать взаимосвязь жизни и творчества писателя, обусловленность авторских позиций историческим контекстом.

Воспитательная: формирование гуманистического мировоззрения, гражданского сознания, чувства патриотизма; приобщение к общечеловеческим духовно-нравственным ценностям.

Развивающая: активизировать мыслительную деятельность средствами художественного слова (анализ, сравнение, сопоставление).

В школьной практике интерпретации романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» тщательный анализ текста не возможен в силу ряда причин: это и ограниченное количество учебных часов, отведенных на его изучение, и многоаспектность поднятых автором проблем, и спорность выбора ключевых эпизодов, отсутствие у учащихся необходимых навыков. Считается, что старшеклассники подготовлены к самостоятельному эмоциональному знакомству с произведением, а в классе необходим лишь строгий и четкий, желателен многоаспектный анализ. Да, действительно, современный подросток обладает определенным читательским и жизненным опытом. Но как часто забываем мы, что перед нами, в первую очередь, читатель, а уже затем ученик, юный лингвист, литературовед. Насильно навязанная ученику роль всезнающего интерпретатора текста заглушает собственную инициативу, отбивает желание сотворчества с автором, хотя говорить о произведении можно без использования стандартно-привычной литературоведческой терминологии.

Иногда полезно посмотреть на текст глазами неискушенного читателя. Игра в "неопытность" зачастую позволяет увидеть гораздо больше, чем при поиске выразительно-изобразительных средств, используемых автором.

Уроки, на которых учащиеся стараются следовать собственной логике рассуждений в поиске "тайн произведения", мы предлагаем называть уроками-обсуждениями. Такие уроки в чистом виде, конечно же, довольно редки, но как фрагмент урока или во время факультативного занятия такие спонтанные диалоговые исследования довольно продуктивны и оказываются хорошим подспорьем для будущих сочинений.

До начала обсуждения оговариваются условия: 1) знаем, что было до читаемого сейчас, но не знаем, что будет; 2) нет неправильного ответа – есть недоказанный; 3) текст произведения - первооснова всех догадок.

На уроке обсуждаем главу романа М.А. Шолохова "Тихий Дон», один из ключевых эпизодов произведения. Цель урока: логическая интерпретация

эпизода, подготовка к сочинению. Оборудование: тексты романа, записи в тетрадях, толковые словари.

- Сегодня на уроке мы обратимся к последним страницам романа. Пройден сложный жизненный путь, Григорий, переживший и смерть родных, и гибель Аксины, остался один, над головой его «черное небо и ослепительно сияющий черный диск солнца». Что дальше? Откроем главу XVIII.

Первый абзац несет в себе значительную эмоциональную нагрузку. Прочитанный выразительно, он сразу же обращает внимание учащихся на те художественные образы, без которых сложно понять внутренний мир Григория Мелехова: *«Ранней весной, когда сойдет снег и подсохнет полегшая за зиму трава, в степи начинаются весенние палы. Потоками струится подгоняемый ветром огонь, жадно пожирает он сухой аржанец, взлетает по высоким будыльям татарника, скользит по бурым вершушкам чернобыла, стелется по низинам...И после долго пахнет в степи горькой гарью от выжженной и потрескавшейся земли. Кругом весело зеленеет молодая трава, трепещут над нею в голубом небе бесчисленные жаворонки, пасутся на кормовитой зеленке пролетные гуси и вьют гнезда осевшие на лето стрепета. А там, где прошли палы, зловеще чернеет мертвая, обуглившаяся земля. Не гнездует на ней птица, стороною обходит ее зверь, только ветер, крылатый и быстрый, пролетает над нею и далеко разносит сизую золу и едкую темную пыль»*. В первом предложении останавливаемся на двух, казалось бы, не совместимых образах: ранняя весна – весенние палы. - Ранняя весна – это всегда обновление, пробуждение, начало. А что такое палы?

Жизненного опыта учащихся хватает, чтобы объяснить лексическое значение этого слова. Но дело не только в том, что во время палов гибнет "полегшая за зиму трава". Не случайно рядом такое многообещающее слово – весенняя. На данном этапе работы обращаемся к толковым словарям.

-В словаре под редакцией Д.И. Ожегова палы объясняются как: 1) степной или лесной пожар; 2) выжженное место в лесу, степи. Пока ничего нового мы не открыли. Но стоит заглянуть в словарь В.И. Даля, как "вырису-

вываается" кое-что интересное: "Пал – напольный огонь, полевой, степной, лесной пожар или пожог. На севере и востоке по осени или лучше по весне, выжигают все луга, пастбища и покосы, иначе ветошь не дает росту траве".

-Оказывается, пал не всегда пожар, это может быть и "пожог", сделанный мудрой рукой человека, чтобы облегчить путь к солнцу новому поколению травы и цветов.

Конечно, у Шолохова палы "в степи начинаются сами", но их конечное назначение уже ясно – дать жизнь чему-то новому. Понятно теперь, почему и сами они "весенние" и начинаются, "когда сойдет снег и подсохнет полегшая за зиму трава".

-Первые предложения абзаца насыщены словами с так называемой "отрицательной окраской": палы, огонь, пожирает, горькая гарь, выжженная земля. Палы представляются неотвратимой бушующей стихией, и тем ярче контраст ее с последующей пейзажной картиной (можно обсудить вопрос о необходимости абзаца: нужен ли он, чтобы усилить контраст или такое единение картин имеет эмоциональную и смысловую значимость).

Условно названная нами "вторая часть" абзаца полна словами с "положительной окраской": весело зеленеет молодая трава, голубое небо, бесчисленные жаворонки, кормовитая зеленка, гнезда стрепетов. А ведь там, "где прошли палы, зловеще чернеет мертвая... земля".

-Картина дорисована. Осталось понять: зачем? Следующий абзац дает ответ на этот вопрос: "Как выжженная палами степь, черна стала жизнь Григория". (Здесь тоже возникает вопрос об уместности красной строки. Сходимся на том, что в данном случае это – обозначение паузы, знак того, что далее следует что-то важное.)

-Предыдущий абзац, с контрастом "палы-зеленка", помогает понять, что происходит в душе Григория.

- Вернемся к толкованию В.И. Далем слова "палы", обратим внимание на то, что жизнь Григория не ушла, не остановилась, а "черна стала". Кажется, что какую-то маленькую надежду на обновление автор все-таки оставляет

своему герою. Читаем дальше: "Он лишился всего...", "Все отняла у него, все порушила безжалостная смерть". И снова останавливаемся.

-Похоже, наши догадки были ошибочными. Ожиданием молодой и обновленной жизни вокруг мертвой земли, автор ввел нас в заблуждение. Похоже, что кроме контраста, иной смысловой нагрузки образы стрепетов, выющих гнезда, не несут. Читаем дальше: "Остались только дети". Вот та самая "молодая трава", которая "кругом весело зеленеет". Наша догадка верна.

- Значит, не так уж необратим "подгоняемый ветром огонь". Есть еще в жизни Григория что-то, ради чего он "судорожно цепляется за землю".

-Похоронив Аксинью, Григорий не возвращается домой. Почему?

Да потому что весна – ранняя, еще не зажили раны весенних палов. Думается, что Григорий не только "утратил со смертью Аксиньи и разум и былую смелость", но и желание жить. Вернее, жить по-прежнему он не мог, а как жить по-новому – не знал, не знал, какую ценность "изломанная жизнь его представляла... для него и для других".

-Какова жизнь Григория в лесу?

Около полугода провел Григорий в лесу у дезертиров, потеряв "счет томительно тянувшимся дням". Проснувшаяся тоска по детям проявлялась в том, как он "искусно мастерил из мягких пород игрушечные фигурки". Днем Григорий делал игрушки, а ночью ему снились дети. И если весной душа его "черна стала", то зимой она начала пробуждаться. Несложно догадаться, что грядет нечто важное в жизни Мелехова.

-Почему все еще не оставляет Григорий одинокое полудикое существование в лесу?

-Он еще не настолько ожил, чтобы вернуться домой: "Вся жизнь Григория была в прошлом, а прошлое казалось недолгим и тяжким сном". И лишь "на провесне" (то есть спустя год, тоже ранней весной) Григорий впервые "за все время своего пребывания в лесу, чуть приметно улыбнулся". Наконец-то и на выжженной когда-то земле появились свежие ростки "зеленки".

- В этой главе М. Шолохов не употребляет внутренних монологов, кроме одного раза. Где?

- Передавая постоянные ("часто думал") мысли своего героя, использует автор внутренний монолог: "Походить бы ишо раз по родным местам, покрасоваться на детишек, тогда можно бы и помирать". И может быть это желание стало в какой-то момент даже целью. "Не могу ждать", - говорит Григорий безымянному дезертиру (Кстати, и жизнь в лесу напоминает тяжелый, томительный сон, где Григорий по-прежнему одинок, может, потому у окружающих его людей нет ни лиц, ни имен).

-Чего же не может ждать Григорий?

- Неужели времени, когда можно "помирать"?

-Почему так долго смотрел он на родной двор, "бледнея от радостного волнения".

-Почему не бежит к дому, почему остановился?

- Почему не передает автор мыслей, рождающихся сейчас в голове Григория? Ответы на эти и другие «почему» могут вызвать дискуссии, требующие привлечения жизненного опыта учащихся.

Особое внимание обращает на себя эпизод, в котором Григорий пересчитывает патроны. "Зачем-то пересчитал" отмечает М. Шолохов.

-Что это? Привычка военного человека, всегда готового к бою, или попытка оттянуть время, нерешительность человека, не знающего, что его ждет?

-Издравле на Дону существовал обычай: возвращавшиеся со службы казаки бросали в воду фуражки, старое обмундирование, какую-то бытовую военную мелочь. Обычай существовал вплоть до революции, машинисты даже специально замедляли ход поездов, чтобы могли казаки оделить дарами Дон-батюшку. Плыли по воде казачьи фуражки, как символ того, что все возвращается на круги своя. Может, отголоски этой традиции и заставили Григория бросить в воду винтовку, наган и только что пересчитанные патроны.

-А может, не хотел он возвращаться к жизни, входя на родной двор с оружием, может, уже не испытывал к нему уважения, свойственного казакам с детства.

-Выбросив оружие и патроны, Григорий "тщательно вытер руки о полу шинели", как будто хотел стереть само воспоминание о том, что этим рукам приходилось убивать. И лишь затем "перешел Дон... и крупно зашагал к дому", теперь в Григории проснулось нетерпение, он едва удерживался, чтобы не побежать к дому. Можно только предполагать, насколько трудным будет приобщение Григория к новому миру, к сыну, для которого сейчас нет ничего более важного, чем следить, как катятся под гору "голубые осколки". "Что ж, вот и сбылось то небольшое, о чем бессонными ночами мечтал Григорий. Он стоял у ворот родного дома, держал на руках сына... Это было все, что осталось у него в жизни..."

- Таким образом, учащиеся на уроке анализируют не только текст, но и дискурс, что дает возможность глубже проникнуть в смысл произведения и понять, о чём роман М. Шолохова «Тихий Дон».

При этом школьная программа не предусматривает знания учащимися термина «дискурс».